

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

НЕПОСЕДА

Трикс

Сергей Лукьяненко

Непоседа

«АСТ»

2010

Лукьяненко С. В.

Непоседа / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 2010 — (Трикс)

Трикс Солье совершил немало славных подвигов и его уже никто не назовет недотепой. Похоже, все его мечты исполнились – и можно спокойно учиться волшебству (пусть даже в обучение входит мытье полов и чистка картошки). Но если приходится под Новый год внезапно отправляться в жаркую и экзотическую страну Самаршан – тут уж не до учебы! Тут надо вспомнить все, что умеешь и даже немного больше. Ведь Самаршан – ну просто очень экзотическая страна! Там правит султан (некоторые считают, что визирь), собирает армию Прозрачный Бог (некоторые боятся, что он и впрямь бог, хотя бы из мелких), а местные обычаи отличаются красочностью и непосредственностью. Тут только и остается, что полагаться на старых друзей – бродячих артистов, старых врагов – витамантов, и сводных родственников, находящихся в пожизненной ссылке. Потому что опасных встреч предстоит много – с джином, связанным моральными ограничениями, сфинксом – никакими ограничениями не связанным, и пустынными гномами (вы считали, что таких не бывает? вы ошиблись!). А все потому, что не следует верить каждому встречному дракону. Конечно, драконы не умеют врать, но разве им это когда-то мешало?

Содержание

Часть первая. Трикс обижается	5
1	5
2	21
3	32
4	46
5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сергей Лукьяненко

Непоседа

Часть первая. Трикс обижается

1

Если ты в неполные пятнадцать лет выправил кривду, улучшил правду, завоевал сердце княгини, да еще и совершил Настоящее Чудо – тебе очень хочется, чтобы тебя все и всегда хвалили.

Трикс, единственный и полноправный ученик великого волшебника Радиона Щавеля, имеющий высокий статус преспешника (а ведь преспешник – это уже почти настоящий волшебник), стоял у окна в своей комнатухе на вершине магической башни и дулся.

Нет, он ничуть не жалел, что после всех случившихся за год приключений покинул отцовское герцогство, где ему когда-нибудь придется взойти на трон, и вернулся к Щавелю продолжить обучение. Мыть полы, готовить еду и чистить отхожие места – все это не очень-то приятно, но занятия магией искупают житейские неудобства.

Правда, ничему новому он за последнюю неделю так и не научился – попытка призвать новую саламандру взамен старой, уже почти не греющей воду в котле, закончилась небольшим пожаром, опыты в кулинарной магии (а ведь Щавель изначально был настроен скептически!) привели к расстройству желудка, а простенькое заклинание «таранный камень» вызвало лишь мелодичный грохот и страшные голоса, что-то угрожающе поющие на неведомом языке.

А самое обидное было в том, что Триксу по-прежнему упорно не давалась телепортация. Щавель, похоже, и сам был не слишком в ней силен, но на капитул магов, традиционно созываемый вскоре после Нового года, он все-таки отправился. Один. Оставив Трикса в своей волшебной башне с обидной просьбой не снести ее до основания.

Нет, не так представлял себе Трикс свою жизнь у Щавеля. Новые приключения, тайны, сражения, интриги... Спасение всего мира и княгини Тианы в придачу! Победа над коварными витамантами!

А вместо этого – переписывание старых, утративших силу заклинаний из древних книг и ехидные реплики Щавеля.

И грустное одинокое празднование Старого Нового года, который наступит через каких-нибудь девять часов. Учитель, конечно, Трикса очень ценил, но ради недотепы-ученика он раньше времени с капитула не вернется. А ведь это был праздник особый! Семейный, который полагалось проводить не на улице с друзьями-приятелями, а дома, с родными и близкими...

Надо сказать, что Старый Новый год праздновали только в королевстве. Так повелось со времен короля Маркеля Неожданного, который прославился необычными реформами – то он ввел две дополнительные части света, то выкинул из алфавита три буквы, а вместо них добавил две другие и новый знак – точку с запятой, то повелел измерять вес не в фунтах, а в каких-то чудных «килах». Что такое фунт все знали прекрасно, это был вес гири, крепящейся на цепочке к церемониальной королевской булаве. А таинственное «кило», по мнению монарха, весило в два с лишним раза больше и равнялось весу одного «литра» пресной воды на уровне моря... вот только придумать, сколько пинт или кварт воды входит в этот самый «литр», чтобы его можно было взвесить и принять за эталон, Маркель Неожданный так и не успел, охладев к своей затее.

По большому счету все реформы остроумного короля не прижились. Новые буквы из алфавита потихоньку выпали (хотя и старые не вернулись), части света остались только на старых башенных часах в Столице, в лавках все по-прежнему просили взвесить им фунт белого хлеба и налить две пинты молока, а не взвесить половину «кила» и налить «литр». И только смена календаря увенчалась частичным успехом. Однажды посреди зимы Маркель Неожданный заявил, что, наблюдая за звездами, обнаружил – старый календарь отстал на целых тринадцать дней, и поэтому Новый год надо праздновать раньше. По этому случаю он повелел пускать фейерверки, наливать простолюдинам вина и простить всем налоги за две неслучившиеся недели. По всеобщему мнению, королю просто хотелось устроить праздник пораньше – но фейерверки... вино... налоги! Так что новый календарь приняли охотно. Но и старый не забыли... что и привело к появлению удивительного по своему названию праздника – Старого Нового года.

Говорят, что на смертном одре старенький король Маркель Неожданный вздохнул и произнес: «Я слишком рано пришел в этот мир! Он еще не готов был принять мои идеи... но он их примет... А теперь – о главном! Записывайте! Все люди рождаются свободными и равными в своих достоинствах и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства...»

Неизвестно, чего бы еще наговорил король ошалевшим от неожиданности писцам, но, к счастью, его наследник воскликнул: «Что вы стоите, изверги? Отец бредит от боли и жара! Немедленно дайте старику хорошую порцию макового отвара!»

Порция действительно была хорошая, и поздней ночью Маркель Неожданный мирно отошел в мир иной. По удивительной случайности это произошло как раз накануне Старого Нового года, что было воспринято всеми как хороший знак и одобрение празднества...

Трикс вздохнул и сел за свой письменный стол. Это был хороший, хоть и старый стол – из мореного дуба, со столешницей, обитой кожей грифона, с тремя выдвижными ящиками слева (один – секретный, но с потерянным давным-давно ключом) и двумя ящиками справа. Ящики пустовали, только в левом верхнем лежала стопка бумаги, а в правом нижнем – запас перьев и ножичек для их очинки.

Раскрыв перед собой великую, хоть и древнюю, книгу по семейной магии, Трикс с выражением прочел:

– «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Это заклинание, плод моих долгих раздумий, можно использовать для целей благих и дурных, каковые вам более надобны. Ежели, к примеру, надо внести в семью мир и покой, изреки его громко и ясно, делая особенно упор на первой части – «все счастливые семьи похожи друг на друга». Ну а для привнесения дразг и раздоров, упор делается на второй части – «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Употреблять заклинание надо с умом и всевозможным тщанием...

Трикс вздохнул. Наверное, когда-то это и впрямь работало. Хотя если разобраться, то смысла в заклинании не было ни малейшего. Вот, к примеру, местный босгардский кузнец то и дело дубасит свою жену – а между тем семья у них счастливая. А торговец овощами с жены пылинки сдувает – и они тоже счастливы. Ну какая тут похожесть?

Но на всякий случай Трикс переписал заклинание три раза, семь раз произнес вслух и с выражением, после чего принялся писать заданный Щавелем разбор:

«В великих строках своего великого труда великий граф-волшебник поведал великую тайну...»

Разбор заклинания не получался. Трудно писать то, во что совсем не веришь. Трикс опять вздохнул – на этот раз совсем уж горько, достал чистый лист бумаги и принялся писать письмо домой:

Дорогие мои родители! Герцог и Герцогиня! Я вас очень люблю. И приключения я очень люблю. И магию тоже. А вы мне не разрешаете ею заниматься. Велите учиться танцам и фехтованию. А это неправильно. Я уезжаю к Радиону Щавелю и буду там жить. Вы за меня не беспокойтесь. Я не пропаду. Я все умею делать и буду вам писать, а на трон мне еще не скоро. Только после папы. До свидания.

Ваш сын – *Трикс Солье*.

Перечитав написанное, Трикс подумал и решил, что все получилось очень правильно – коротко, честно и очень вежливо. Оставалось решить, как отправить письмо домой.

Подумав минуту, Трикс подошел к окну, распахнул его, впустив свежий морозный воздух, и громко произнес:

– Лети с приветом! Вернись с ответом!

Листок на его ладони слегка дрогнул, но и не подумал улетать. Требовался почтальон. Только где его взять? Вокруг башни волшебника никого не было – ну кто без нужды решится приближаться к такому опасному и непредсказуемому месту? До самого горизонта тянулись заснеженные поля, лишь вдалеке, над невысокими зданиями городишка Босгард тянулись вверх струйки дыма – да вокруг самой башни, вопреки времени года, буйно цвели розы, маки, тюльпаны и прочие любимые Щавелем цветы. Где-то там порхала и Аннет, безнадежно влюбленная в Трикса цветочная фея. Письмо бы она, пожалуй, унесла. Вот только удалившись зимой от башни, немедленно бы замерзла и уснула...

– Птица... – задумчиво сказал Трикс. – Мне нужна птица – сильная и отважная, способная лететь сквозь ночную мглу, сквозь снег и буран. Лететь без усталости и нести мое послание родителям...

С растерянным клекотом откуда-то сверху спикировала огромная белая сова. Трикс даже отшатнулся, когда она уселась на подоконник и недоуменно огляделась вокруг. Из клюва совы торчал мышинный хвостик.

– Ты волшебников не боишься? – на всякий случай спросил Трикс.

Сова сглотнула и подозрительно уставилась на мальчика.

– Отнеси мое письмо в графство Солье, – сказал Трикс. – Вручи лично герцогу Рату Солье. Хорошо?

Сова протянула вперед когтистую лапу. Трикс с некоторой опаской обмотал ее запиской и обвязал обрывком бечевки. Еще раз повторил:

– Значит, в графство Солье, лично герцогу...

Сова посмотрела на него с презрением и вспорхнула с подоконника.

Отправив родителям послание, Трикс сразу почувствовал себя веселее. И пусть в башне он был один-одинешенек, пусть из еды у него имелась только картошка и промерзлый кусок свинины – пища пусть и сытная, но непроезничная. Все-таки какое-то новогоднее настроение стало появляться! Трикс закрыл окно, зажег пару свечей, потому что солнце уже клонилось к закату, и попытался честно выполнить разбор заклинания.

Заклинание упорно сопротивлялось.

Понурившись, Трикс стал изучать столешницу, на которой предыдущие ученики Щавеля оставили свои стенания, заклинания и послания. Несмотря на то, что каждый ученик начинал свое обучение с тщательного мытья стола, хорошие чернила до конца свести не удавалось. Были здесь и жалобы на изучение замшелых магических книг с давно утратившими силу заклинаниями, и едкие замечания в адрес магистра Щавеля, и восторженная ода красавице-жене босгардского барона (Трикс вспомнил старую толстую баронессу и недоуменно пожал плечами – по младости лет он никак не мог осознать, что каждая старуха была когда-то прелестной

юной девушкой). Все это было уже неоднократно Триксом читано и перечитано, но до сих пор оставалось занимательным.

А потом Трикс заметил кое-что еще.

Под всеми старыми надписями, начисто стертая, шла еще одна надпись – от нее остались только едва заметные царапины на грифоньей коже. Наверное, свет свечей и последние лучи заходящего солнца легли на столешницу под таким углом, что проявили старые строки.

– Ключ... ключ... под... подоко... подоконником... – прочел заинтригованный Трикс. И сам себя спросил: – Какой еще ключ?

Впрочем, вопрос был излишним. Его комната на ключ не запиралась, ученику позволялся только засов. Единственный в комнате замок был в потайном ящике стола!

Трикс схватил свечу и присел под единственным узким окном. Заглянул под выступающий подоконник.

Вначале ему показалось, что там ничего нет. Гладко оструганное дерево хоть и было пыльным и заросшим паутиной, но ничего не скрывало. Однако когда Трикс приблизил свечу и паутина с треском сторела, он заметил, что один кусочек древесины будто бы отличается от других по цвету...

Достав из стола старый, стершийся от времени ножик для очинки перьев, Трикс подковырнул деревяшку. Пошатал немного. Деревяшка неохотно вывалилась, а вслед за ней на пол упал самый настоящий бронзовый ключ – небольшой, но с затейливой бородкой.

С гулко стучащим сердцем, ощущая дыхание близкого приключения, Трикс метнулся к столу. Вставил ключ в замочную скважину – тот легко вошел и точно так же легко повернулся.

Прежде чем выдвинуть ящик, Трикс облизнул пересохшие от волнения губы. Потом потянул за ключ.

Ящик был пуст. Это был небольшой, почти плоский ящик. Без всяких секретов...

Не веря своим глазам, Трикс достал ящик, перевернул – нет ли на днище приклеенного смолой пергамента с могучим древним заклинанием? Простукал ящик со всех сторон – а вдруг найдется двойное дно или секрет в стенках?

Ничего!

Просто пустой потайной ящик!

– Ну это же нечестно! – закричал Трикс. – Это неправильно!

Весь житейский опыт, вся логика подсказывали ему, что если грустящий в одиночестве в праздничный вечер ученик волшебника находит древний ключ – ключ этот должен открыть что-то важное. Потайную дверь. Секретный ящик. Сундук с золотом и драгоценностями, на худой конец!

А тут – ничего.

Трикс задул свечи и мрачно побрел на кухню.

Смеркалось. Ветер к вечеру усилился и башня едва заметно покачивалась под его порывами. Трикс возился на кухне, готовя себе праздничный ужин.

Картошка была почищена и весело булькала в кастрюле с кипятком. Нет, наверное, картошке было вовсе не весело, но людей почему-то всегда радует бульканье готовящейся еды. Кусок свиного окорока Трикс нашпиговал найденной в овощном ларе морковкой и несколькими зубчиками чеснока, натер солью и перцем, проткнул вертелом и повесил жариться над огнем. Настроение у Трикса снова улучшилось – возможно, причиной были запахи еды, а возможно – опустевший бокал вина.

Волшебник может быть сколь угодно беден, в кладовой у него могут играть в чехарду мыши, а в кошельке – позвякивать пара незаконных (для волшебника!) медных грошей. Но две вещи обязательно будут у волшебника в достаточном количестве – кофе и вино.

Кофе волшебнику необходим, чтобы, проснувшись поздним утром, сбросить с себя вялость и лень, усестись за рабочий стол и весь день бодро придумывать новые заклинания.

Черед вина приходит вечером, когда хорошо потрудившемуся волшебнику требуется расслабиться, снять напряжение от работы, очистить голову и спокойно отойти ко сну.

Стоит отказаться хотя бы от одного из этих двух компонентов, как работоспособность волшебника резко падает, он становится вялым, раздражительным и ничего достойного придумать не может.

Ходят слухи, что некоторые великие волшебники древности творили свои заклинания, отказавшись сразу и от кофе, и от вина. Но мысль о подобном эксперименте настолько экстраординарна, что повторить его пока никто не рискнул.

Итак, Трикс налил себе еще полбокала и уселся перед очагом, чтобы вовремя поворачивать вертел и не дать мясу пригореть.

(В некоторых мирах и временах, пожалуй, сочли бы предосудительным и достойным порицания, что пятнадцатилетний мальчик запросто попивает вино перед ужином. В оправдание Трикса и мира, где он жил, можно сказать три вещи. Во-первых, попробовав то вино, вы были бы приятно удивлены его легкостью. Во-вторых, попробовав местную воду, вы были бы неприятно удивлены последствиями для желудка. Ну а в-третьих, отберите у своего пятнадцатилетнего сына цветастые жестяные баночки с его любимыми безалкогольными напитками – и внимательно прочтите состав. Вы до сих пор уверены, что бокал вина вреднее?)

Впрочем, этим новогодним вечером Трикс и впрямь собирался пить вино по-взрослому. Ему было одиноко, ему было скучно, все про него забыли – даже Аннет осталась праздновать Старый Новый год на лугу, в компании других цветочных фей.

Вот если бы сейчас в двери башни постучали... ну, к примеру... родители? Решили проведать непутового сына и приехали – пять карет, сорок солдат охраны, три телеги с припасами...

Трикс поморщился. По родителям он, конечно, скучал, но не настолько же!

Нет, пусть бы в двери башни постучали... постучала... княгиня Тиана! Она вошла бы вся замерзшая, усталая, покрытая снегом, дрожащая от холода и голода и сказала: «Трикс, мне нужна твоя помощь...» А Трикс усадил бы ее к огню, дал бокал горячего вина с пряностями (из пряностей был только перец, но ведь он поможет согреться?), помог бы ей снять заснеженные одежды...

Трикс почувствовал, что краснеет. Все дальнейшее представало перед ним в очень волнующем, но каком-то туманном свете. Может, лучше пусть это будет не Тиана? А какая-нибудь другая княгиня, или дочь барона, или та симпатичная рыжая девчонка, дочь мельника... А что, дочь мельника тоже достойна помощи! Вот она стучит в дверь...

БАХ!

БАХ!

БА-БАХ!

Удары были столь сильны, что Трикс подскочил на стуле, вино расплескалось, а вертел заплясал на рогатках. С высокого потолка кухни полетела пыль и посыпались мелкие камешки.

Трикс встал, непроизвольно нащупывая на поясе свою верную заклинательную книгу. Если чья-то дочка и могла так постучаться в двери, то это должна была быть дочка великана. Или сам великан. Что тоже как-то не радовало.

Но тут с потолка донесся легкий скрежет – и Трикс сообразил, что удары доносились не снизу, а сверху! С плоской крыши магической башни!

Трудно было спорить с тем, что это начиналось приключение! Но в то же время – не совсем такое, какого хотелось Триксу. Приключение хорошо, когда оно стучится в дверь и вежливо предлагает отправиться на поиски, а не когда оно валится на голову, так что стены трясутся!

Но делать было нечего. Трикс кинулся наверх по лестнице – вначале в свою комнату, за мантией и посохом, а затем – на крышу башни...

Маленький садик, разбитый на плоской крыше башни, в окружении зубчатых стен, был весь припорошен снегом. Только елочка, которую еще Щавель два дня назад заботливо украсил цветными фонариками, темнела зеленым конусом. Волшебные огоньки на ней неярко мерцали, почти не разгоняя темноту.

Трикс, стараясь как можно громче и увереннее стучать посохом оземь, обошел всю крышу по кругу. Странное дело... никого и ничего...

Вот только почему елочка зеленая? Кто сбил с нее весь снег?

– Кто здесь? Кто посмел тревожить мой покой? – громко и властно (во всяком случае, он на это надеялся) воскликнул Трикс.

Несколько секунд царило молчание.

А потом над головой Трикса раздался громкий и при этом явно приглушенный, будто старались говорить шепотом, голос:

– Ты совсем постарел, Радион Иманил Крион Щавель. Заклинаю тебя твоим истинным именем и требую не совершать никакого зла против меня! Ты совсем постарел, ссохся, стал ниже ростом...

У Трикса сердце упало в пятки. Он стал медленно поднимать голову.

– Ну-ка, елочка, зажгись! – снова громогласно прошептали над головой – и струя пламени ударила в пушистую лесную красавицу. Елочка вспыхнула ослепительным костром – и еще до того, как Трикс задрал голову вверх, он уже знал, что, а точнее – кого, увидит.

Метрах в трех над ним, на прочном насесте из железного дерева, сидел огромный оранжевый дракон.

Конечно, если подходить к вопросу объективно – к примеру, взять веревку, измерить дракона от шипастого кончика хвоста и до выдающихся вперед витых рожек, а потом зарисовать примерную схему дракона и сравнить с таблицей в «Энциклопедии Драконологии», то дракон был средненький. Даже небольшой. Так себе дракончик, метров десять в длину, метров двадцать в размахе крыльев. И пламя-то у него было слабое, нежаркое – елочка зажглась, а камни даже не подумали плавиться.

Но если этот небольшой дракон нависает над вами, то последнее, о чем вы подумаете, – это измерить его длину. Тем более что скорее всего это и впрямь будет последнее, о чем вы подумаете, решившись на такое.

– А... – сказал Трикс. – А-а-а-а-а...

– Ой... – простонал дракон, уставившись на Трикса круглыми, размером с хорошую тарелку глазами. – Ой... Ты не Радион Иманил Крион Щавель!

– Нет... – признался Трикс, чувствуя, что весь покрылся холодным потом.

– А ты не можешь сказать мне свое тайное имя, чтобы я защитился от тебя? – с надеждой спросил дракон.

– Н-нет... – покачал головой Трикс. Честно говоря, он бы сказал это имя, если бы понимал, о чем идет речь.

– Я знал, – пробормотал дракон, обдавая Трикса горячим дыханием. – В глубине души я знал, что все кончится плохо...

– Я тоже, – кивнул Трикс.

– Будь ты Щавелем, – продолжал дракон, – я был бы в безопасности от твоей могучей магии. Я изложил бы свою проблему, напомнил о долге чести и получил необходимую мне помощь. Но ты совсем другой волшебник и я перед тобой абсолютно беззащитен!

Трикс немного приободрился.

– Поэтому мне придется тебя убить, – грустно закончил дракон. – Как мне этого не хочется...

Он шумно вдохнул воздух – и плюнул в Трикса огнем. Трикс едва успел отскочить, у него лишь начал тлеть край мантии.

– Ну не вертись ты так! – крикнул дракон, слегка оглушив мальчика. – Поверхностные ожоги кожных покровов очень болезненны! А если я попаду точно в тебя, ты сразу потеряешь сознание и сгоришь!

Он снова набрал воздух.

– Невидимый могучий щит из воздуха и льда прикрыл юного волшебника... – начал было колдовать Трикс, но вовремя заметил, что дракон вовсе не выглядит обеспокоенным – и предпочел отпрыгнуть.

Еще одна струя огня пролетела мимо Трикса.

– Ты чего? – удивился дракон. – Драконье пламя магией не отклоняется!

– Постой, так же нельзя! – в отчаянии воскликнул Трикс, видя, что дракон готовится вновь выдохнуть пламя.

Как ни странно, это подействовало. Дракон закашлялся, неуклюже завопил на своем насесте и сказал:

– Ну да, нельзя... Но ведь никто не видит?

– Как никто? – вдохновенно соврал Трикс. – Десятки и сотни невидимых духов-охранников витают вокруг башни! Если ты меня убьешь – это станет всем известно!

Дракон опустил голову.

– Я так и знал, – пробормотал он. – Так я и знал... Ну хорошо. Играем.

– Что? – удивился Трикс.

– Играем в загадки, как положено при первой встрече человека и дракона. Три загадки. Если я их разгадаю, я имею право тебя убить. Если нет – расходимся миром.

– А если я разгадаю твои? – спросил Трикс.

– Я открываю тебе свое тайное имя и ты получаешь надо мной власть, – мрачно сказал дракон. – В известных пределах, разумеется. Ну, кто начинает?

– Вы, драконы, мастера загадывать загадки, – сообразил Трикс.

– Конечно! Хорошо, раз ты никак не соберешься с духом – вот моя первая загадка. Зимой и летом одним цветом!

Трикс недоверчиво посмотрел на дракона. Тот ждал.

– Елочка, – сказал Трикс, покосившись на догорающее дерево. – Ну, или любое другое хвойное дерево.

– Я попросил бы конкретизировать ответ! – воскликнул дракон.

– Елочка!

– Ответ принят, – печально сказал дракон. – Один-ноль в твою пользу. Хорошо, твоя очередь.

– Э... – занервничал Трикс. – Хорошо! Сколько сундуков с золотом в казне короля Маркея Веселого?

– Восемьдесят четыре больших полных, шесть средних, три маленьких сундука. И еще четырнадцать пудов золота в виде лома и малоценных украшений.

У Трикса отвисла челюсть.

– Мы, драконы, все на свете знаем про золото, – гордо сказал дракон. – Один-один. Итак, мой вопрос... Сто одежек и все без застежек!

– Капуста, – сказал Трикс.

– Ты хорошо подготовлен, юный маг! – проревел дракон. – Два-один... Задавай свой вопрос!

– Сколько людей живет в Босгарде? – спросил Трикс, глядя на огоньки вдали. Совершенно случайно он вчера услышал об этом на городском рынке.

– Восемьсот шестьдесят четыре человека! – рявкнул дракон.

– Неверно! Восемьсот шестьдесят три! – крикнул Трикс.

– А вот и верно! Вот и верно! Час назад жена каменотеса родила девочку!

Посрамленный Трикс понурился.

– Мы, драконы, людей чуем! – гордо сказал дракон. – Это залог выживания нашего вида. Два-два! Теперь мой третий вопрос... Король Маркель Великодушный как-то раз решил казнить одного волшебника. Но у короля было хорошее настроение, и когда волшебника привели к месту казни, король сказал: «Говори свое последнее слово! Если ты скажешь правду – мы тебя повесим. А если соврешь – мы тебе отрубим голову!» Волшебник подумал и сказал свое последнее слово. После этого королю ничего не оставалось, как отменить казнь – ведь слово короля священо!

– Нечестно! – завопил Трикс. – Это совсем другая загадка!

– А я что, обещал тебе все время детские загадки загадывать? – удивился дракон. – Время пошло! У тебя ровно одна минута!

– В чем был виноват волшебник? – спросил Трикс.

– Не важно, – насмешливо ответил дракон. – Уж поверь, у короля для любого волшебника провинность всегда найдется.

Трикс напряженно думал.

Дракон начал что-то насвистывать. Из пасти вырывались тонкие язычки пламени.

– У меня есть какая-нибудь помощь? – спросил Трикс. – Или, может, паузу какую-то можно сделать?

– Осталось десять секунд, – сказал дракон.

Трикс отчаянно думал. Если правду... то повесят... Если совет... отрубят голову... а в чем виноват – не важно... Значит, говорить надо то, что связано с казнью... со словами короля...

– Время кончилось, – торжественно сказал дракон. – Ну?

– Волшебник сказал... волшебник сказал... – У Трикса от волнения кружилась голова. Чудилось, будто он не стоит на круглой крыше волшебной башни, а сидит в зеркальном зале в окружении толпы мудрецов... и всем мудрецам все понятно, только он, дурак, никак не сообразит, а мудрецы от волнения что-то беззвучно шепчут, хватаются за головы, водят ладонями у горла, будто перерезая себе шею... – Волшебник сказал: «Мне отрубят голову!» – воскликнул Трикс.

– Была подсказка! – завопил дракон.

– Какая? Откуда? – удивился Трикс.

– Тогда поясни мне ход своих мыслей! – угрожающе потребовал дракон.

– Ну... надо было сказать что-то такое, что противоречило бы словам короля. Волшебник и сказал – «мне отрубят голову». Если ему после этого отрубить голову, то, значит, он сказал правду и его надо было повесить. А если его повесить, то, значит, он соврал – и ему надо было отрубить голову!

Дракон помолчал и сухо произнес:

– Три-два. Ты угадал.

– Что стало с тем волшебником? – поинтересовался Трикс.

– Что-что... Просидел еще сорок лет в тюрьме и помер от старости... – ворчливо ответил дракон. – Давай свою третью загадку!

Трикс подумал. И сказал:

– Что находится в тайном ящике?

– Каком тайном ящике? – заволновался дракон.

– В моей комнате есть стол. В столе тайный ящик. Что в нем?

– Если там ничего нет, то загадка некорректна! – сказал дракон.

– Ну... нет, там кое-что есть, – промямлил Трикс. – Там есть, да. Там есть то, что необходимо тебе и мне. То, без чего мы умрем. То, что поддерживает жизнь в мире...

Дракон задумался.

– Минута, – злорадно сказал Трикс.

– Великое заклинание поддержания жизни в мире? – спросил дракон.

– Нет! – завопил Трикс. – Там воздух! Воздух в ящике! Понял, дурак чешуйчатый? Там воздух!

– Воздух – это все равно что ничего! – попробовал было спорить дракон.

– А вот нет! Без воздуха ты не мог бы летать, дышать и изрыгать пламя! Какое же это ничего? Это очень даже чего! Три-два в мою пользу! Ты проиграл! Называй свое тайное истинное имя!

– Мое тайное имя... – Дракон сглотнул. – Мое тайное имя Элин Абулла Мумрик.

Наступила тишина.

– Элин Абулла... Мумрик? – уточнил Трикс.

– Ты можешь звать меня просто Элин, – сказал дракон. – Или просто Абулла.

– Заклинаю тебя твоим тайным именем Элин Абулла Мумрик не причинять мне никакого вреда явного и неявного, открытого и тайного, умышленного и случайного! – торжественно сказал Трикс. – А я обещаю звать тебя просто Элин.

– Спасибо, – мрачно сказал дракон. – Спасибо и на том.

– Ты из Самаршана? – спросил Трикс, почувствовав, что опасность отступила и можно расслабиться.

– Ага. – Дракон вдруг сунул голову под крыло и поджал хвост. – Из самого сердца знойной пустыни...

– Ты чего? – удивился Трикс.

– Не мешай. Я летел три дня и три ночи. Я претерпел множество опасностей. И все впустую! Мне необходимо успокоиться... я принял позу детеныша в яйце.

Триксу стало даже как-то неловко. Он закидал снегом догорающие остатки елочки, постоял у стены, глядя на яркие огоньки Босгарда, где люди готовились праздновать Старый Новый год, а каменотес – еще и рождение шестой подряд дочери. Потом вернулся к дракону.

– Я в яйце... – бормотал дракон. – Меня ничто не беспокоит. Все хорошо. Вокруг прочная твердая скорлупа. Все хорошо. Мне тепло и спокойно. Меня ничто не беспокоит...

– Элин? – позвал Трикс.

Из-под крыла высунулся край морды и приоткрылся один глаз.

– Хочешь есть?

Элин высунул всю голову:

– А что у тебя? Юная принцесса?

– Ты ешь принцесс? – поразился Трикс.

– Нет, но люди вечно норовят предложить дракону принцессу, – горько сказал Элин. – Они что, думают, поесть сырое разумное существо интереснее, чем хорошо прожаренный, пусть даже чуть подгоревший свиной окорок?

Трикс принялся.

– Ой! – воскликнул он. – Будь здесь, никуда не уходи, я сейчас!

Через полчаса они сидели на крыше (дракон даже слез с насеста и вытянулся прямо на огороде Щавеля) и ели свинину с картошкой. Дракон запивал еду пивом из бочонка, который с трудом притащил наверх Трикс. Трикс по здравом размышлении, пил дорогой и редкий горный кофе.

– Я невезучий, – сказал Элин, деликатно откусывая килограммовый кусок окорока. – У меня вся надежда была на Щавеля... говорят, он хоть и очень суров, но удивительно могуч.

– Угу, – неопределенно пробормотал Трикс.

– А у Щавеля перед моим родом – долг чести. Я решил попросить его о помощи... Что ты-то здесь делаешь, юный волшебник? Неужели ты победил Щавеля в поединке? Или он уехал, оставив тебе свою башню?

– Я его уеик, – сказал Трикс с набитым ртом.

– Что?

– Я его ученик! А он в отъезде...

Элин мгновенно поднялся. Вскинул голову и выпустил в небо струю пламени.

– Ты чего? – воскликнул Трикс (он уже понял, что за этот вечер навосклищается больше, чем за весь прошлый месяц).

– О удача! О счастье! – произнес дракон. – Ведь если ты ученик Щавеля, а его нет на месте – то долг чести переходит на тебя!

– Точно? – не поверил Трикс.

– Мамоу клянусь! – воскликнул дракон, прижимая к груди когтистую лапу. – Таков закон. А закон чести – он даже важнее, чем мое тайное имя!

– И что теперь? – насторожился Трикс.

– Теперь ты отправишься со мной в Самаршан, – торжественно сказал Элин. – И помо- жешь спасти мир!

Трикс вздохнул и обреченно сказал:

– Я как-то даже и не сомневался, что до этого все-таки дойдет...

Хлопотны, но и радостны сборы в дорогу, когда ты собираешься на отдых. Служанки суетливо штопают белье и рубашки, кучер смазывает каретные оси, дети тащат в чемоданы все свои игрушки, жена – баночки с притираниями и ароматические соли от простуды.

Просты, но тягостны сборы в изгнание. Узелок с черствой горбушкой, смена исподнего, королевский указ с повелением пропустить тебя до границы и вытолкать взашей... ну и последний штрих – проглотить семейные бриллианты и надеяться, что по пути к границе будет не слишком сильно трясти.

Но сборы на поиски приключений – это совсем особое занятие. Что взять с собой юному магу? Заклинательную книгу и посох. Остатки подгорелой свинины и горсть черных сухарей. Флягу с водой, ножик и коробок спичек. Чистую рубашку и вторые штаны (особо опытные приключенцы уверяют, что можно даже пожертвовать чистой рубашкой, но сменных штанов взять две пары – если они, конечно, есть).

Вот и все, пожалуй.

Осталось лишь написать записку Щавелю.

Трикс помусолил во рту карандаш. Отложил его, взял перо и аккуратно очинил. Снова взял карандаш, снова очинил перо.

И, наконец, решился.

Дорогой и глубокоуважаемый учитель, магистр Радион Щавель!

Когда Вы прочтете эти строки, я буду уже далеко. Сейчас, за час до новогодия, я отправляюсь в путь в Самаршан. Знакомый Вам дракон, чье имя я зашифрую как Э.А.М., явился в вашу башню, чтобы потребовать возвращения долга чести. Поскольку Вас не было на месте, то долг этот перешел на меня. Я не знаю, что именно дракон от меня хочет, но надеюсь, что это не послужит в урон ни чести волшебника, ни интересам нашего возлюбленного королевства. Клянусь, что буду с честью нести имя Вашего ученика и колдовать вдумчиво, с осознанием той ответственности, которая лежит на каждом настоящем волшебнике.

Ваш любимый ученик *Трикс Солье*...

Трикс подумал и густо зачиркал «любимый», а вместо него надписал сверху «преданный». Потом подумал еще и подписал ниже:

А вазу с гортензиями в Вашем кабинете разбил не я, она свалилась, когда Э.А.М. дышал на меня огнем. Я Вам привезу из Самаршана другую, еще красивее.

Вот теперь сборы точно были закончены...

– Поставь в конце тэ-эс, – посоветовали Триксу из-за плеча. – Трикс Солье, сокращенно. Так всегда делают, если после подписи чего-то дописывают.

– Ой, спасибо, Аннет, – сказал Трикс.

– А перед тем, что дописал, нацарапай пэ-эс, – сказала Аннет, повисшая в воздухе за спиной Трикса.

– Ага... а это что значит?

– Полная скотина! Предатель сволочной! Подлый самодур! – со слезами в голосе воскликнула Аннет.

– Ты что... ты чего... – смутился Трикс.

– Хотел без меня улететь? Хотел меня бросить?

– Аннет...

– Я же без тебя умру! – завопила Аннет. – Ты хоть это понимаешь?!

– Ну... там холодно... а в Самаршане жарко.

– Дубина! Я твой фамилиар! Волшебный спутник! Если ты будешь далеко от меня – магия развеется и я умру!

Трикс растерялся. Об этом он как-то не подумал.

– Точно? – спросил он.

– Я бы не хотела проверять, точно или нет, – сказала Аннет.

– Я тоже, – вздохнул Трикс. – Ну... полезай во внутренний карман.

– Трикс, ты точно хочешь отправиться с этим драконом? – спросила Аннет очень серьезно.

Трикс пожал плечами.

– Драконы очень умны, – сообщила Аннет. – Они живут тысячи лет и за это время набираются ума и коварства. Нет, прямо они никогда не лгут... это у них считается неспортивным. Но если можно чуть передернуть... А уж пожертвовать человеком – волшебник он или нет – это для них раз плюнуть! Огнем!

– А людей они едят? – спросил Трикс.

– Если ничего другого нет, – сказала Аннет. – Не того боишься. Ты бойся, как бы он тебя не обманул.

– Я знаю его истинное имя, – напомнил Трикс.

– Все равно, – вздохнула Аннет и вспорхнула Триксу на плечо, откуда ловко юркнула во внутренний карман мантии. – Ладно, пошли!

Честно говоря, Трикс был очень удивлен. Он ожидал, что Аннет начнет всеми силами удерживать его дома. Предложит дожидаться Щавеля, потянуть время. А тут...

Пожав плечами, Трикс взял свечу, последний раз окинул взглядом свою комнату и двинулся на крышу. Котомку с пожитками он закинул за спину.

Элин Абулла при его появлении радостно забил крыльями.

– Ты не соврал, юный маг! О, я счастливейший из драконов! Так слушай же меня! Перенесись в оазис Три Колодца, что к северу от столицы Самаршана, великого города Дахриана.

Там, через три дня и три ночи, а если будет попутный ветер и благоприятные полетные условия, то и чуть раньше, мы с тобой встретимся...

– Эй! – воскликнул Трикс. – погоди, Элин! Я не могу туда перенестись!

– Почему? – удивился дракон. – Ты не владеешь телепортацией? Мы-то, драконы, не можем ее использовать, потому что потребная на то магическая сила прямо пропорциональна массе тела...

– Я ведь там не был, – выкрутился Трикс. – А перенестись в незнакомое место не может даже самый искусный маг!

– Ой... – огорченно вздохнул Элин. – Ой-ей-ей... А если я воспою тебе оазис в долгой и красивой балладе – ты не сможешь его четко и ясно представить? Вот послушай... Солнце горячее, песок горячий, верблюд горячий, губы горячие, чалма к голове прилипла, халат тяжелый как кошма, пить хочу... Никаких следов вокруг, какие следы в пустыни... Караванщик, если ты опять сбился с пути, я побью тебя палкой, которой погоняют верблюда! Три колодца, где же три колодца...

Дракон смолк и покачал головой:

– Н-да. Не получится. Знаешь, на твоём языке это звучит как-то не очень убедительно...

Так что будем делать?

– Я думал, ты меня понесешь на себе, – смущенно сказал Трикс.

– Я? Тебя? Понесу? – Дракон явно растерялся. – Ты понимаешь, юный чародей...

– Зови меня просто Трикс.

– Это тайное имя? – заинтересовался дракон.

– Нет, самое что ни на есть явное.

– Жаль. Ну так вот, Трикс, дракон не верблюд. Очень стыдно дракону носить человека... если только не в когтях.

– В когтях не хочу, – замотал головой Трикс. – На спине. Я в летописях видел такие картинки.

– В летописях такие картинки бывают, что от стыда сгоришь, – сухо сказал дракон. – Нет... неприлично это. И трудно, если честно.

– Трудно? – поразился Трикс. – Ты такой огромный! А я – маленький. И тощий.

– Ну, не такой уж и маленький... – Дракон явно был смущен. – Ты думаешь, раз мы большие – можем чего угодно тягать?

– Ну...

– На самом деле мы очень легкие! – тихо сказал Элин. – Сильные, но легкие. Я вещь-то как человек.

– Что? Да ладно врать! – не поверил Трикс.

Элин вздохнул и поджал лапы.

– А ты проверь. Попробуй меня поднять.

Трикс недоверчиво подошел к дракону и потянул за огромную лапу. Поднять дракона он, конечно, не смог, но от крыши немного оторвал.

– Думаешь, как мы летаем? – спросил Элин. – Только за счет легкости. У нас все очень тонкое и легкое. Кости, чешуя... даже клыки. Когда у меня зубы выпадут, они в воде будут плавать!

– Ничего себе, – поразился Трикс. – Но я и вправду не могу перенестись в эти твои Три Колодца. Ну никак! Могу на лошади поехать. Месяца через два или три...

– Тебе придется пересечь реки и горы... – Элин вздохнул. – Ладно. Но пообещай, Трикс, что ты никому и никогда не расскажешь, что летал на драконе!

– Клянусь! – сказал Трикс.

– Забирайся на спину...

Каким бы легким ни был дракон, он и впрямь оказался очень прочным. Чешуя была жесткая, сидеть на ней было очень твердо.

И скользко.

– Я упаду, – сказал Трикс. – Непременно упаду.

Элин снова вздохнул.

– Сейчас...

Чешуя на спине дракона вдруг встопорщилась и Трикс обнаружил, что проваливается в глубокую ложбинку между лопаток, выстланную мягкой, невесомой шерсткой. Потом чешуя над его головой сошлась, оставив лишь небольшое отверстие, в котором темнело небо и блестяли между туч редкие звезды.

Дракон, тяжело переваливаясь на ходу, подошел к краю крыши, вскарабкался на стену. Расправил огромные крылья, взмахнул ими.

И прыгнул вниз!

Сердце у Трикса ухнуло, голова закружилась. Но Элин легко и непринужденно перешел в ровный полет, набрал высоту – и полетел над ночной землей.

– Как здорово! – восхитился Трикс. Лежать в углублении на спине дракона было так уютно, даже лучше, чем в кровати! – На тебе так удобно летать!

– Вот потому мы и не хотим, чтобы люди об этом знали! – проревел дракон. – Представляешь, что начнется?

Трикс представлял. Вначале драконов будут уговаривать таскать людей на большие расстояния. Потом воровать или покупать яйца (страсть драконов к золоту общеизвестна). Потом просто поработят и заставят носить на себе аристократов и волшебников.

– Я никому не расскажу! – крикнул Трикс. – Честное слово!

Дракон не ответил. Он летел на юго-восток, по бокам от Трикса ритмично двигались огромные плечевые суставы, в животе у дракона временами что-то негромко бурчало. Лететь оказалось так замечательно, что Трикс, погружаясь в сон, подумал: «Это мой самый лучший Старый Новый год!» Правда, под утро, когда небо начало светать, он проснулся от холода и, ежась, позвал дракона:

– Элин! А нельзя лететь пониже? Холодно очень!

Элин не ответил, только резко вдохнул – и в животе у него забурило. Тело дракона сразу стало нагреваться.

– Спасибо, самое то! – поблагодарил Трикс.

Элин с шумом выдохнул пламя, но отвечать так и не стал.

Утром они сделали остановку на опушке леса. Здесь снега почти не было, хотя еще царила зима, воздух был холодный, а земля твердая, промерзшая. Трикс сбегал в кусты, а дракон отлетел подальше в поле и несколько минут посидел там, нахохлившись и косясь в сторону Трикса. Потом Элин улетел на охоту и вернулся с полным ртом куропаток – уже поджаренных. Трикс съел одну, остальных проглотил дракон, после чего ворчливо пожаловался:

– Мелкие тут у вас птицы. Вот у нас, в Самаршане, такие птички – с корову размером! И не летают. – Дракон почесал нос кончиком крыла, после чего честно добавил: – Правда, бегают – фиг догонишь. И лягаются больно.

– Слушай, Элин, – при дневном свете Трикс наконец-то смог внимательно рассмотреть дракона. – А у тебя что, всего две лапы?

– А сколько должно быть? – возмутился дракон. – Две лапы, два крыла. Хватает!

Он вытянул вперед крыло и ловко поковырял между зубами когтями, которые росли на сгибе крыла... у человека это место можно было бы назвать локтем.

– Драконов обычно рисуют с четырьмя лапами и крыльями, – пояснил Трикс.

– А у нас человек обычно рисуют в доспехах и с огромным мечом. – Элин пожал крыльями. – Если бы у меня было четыре лапы и крылья, то я был бы с шестью конечностями. Я был бы насекомым. Что, по-твоему, я похож на муху?

– Ну что ты, вовсе не похож! – запротестовал Трикс.

– Две лапы и два крыла – вполне достаточно, – грустно сказал Элин.

На взгляд Трикса, дракон, сидящий на двух лапах, более всего напоминал гигантского оранжевого цыпленка. Но он благоразумно не стал говорить этого вслух.

– А драконы – магические существа?

– Самые что ни на есть магические! – уверил его Элин.

Под мантией у Трикса зашебуршало и Аннет вылетела наружу:

– Вранье! Никакие вы не магические!

Дракон прищурился, пытаясь разглядеть Аннет. Потом сочувственно сказал:

– Это еще что такое? Какой-то паразит, живущий на тебе?

От возмущения Аннет потеряла дар речи и затрепетала в воздухе, рассыпая вокруг разноцветную пыльцу.

– Это фея! – заступился за Аннет Трикс. – Это моя фея... мой фамилиар. Она волшебная и очень могущественная!

– Ты и вправду великий волшебник, пусть даже еще ученик, – пробормотал дракон. – Эй, фея, я не хотел тебя обидеть! Мы, магические существа...

– Это я магическое! – завопила Аннет. – Минотавры. Грифоны. Мантикоры. Единороги. А вы, драконы, самые обыкновенные, как люди, эльфы и гномы!

– Почему? – удивился дракон.

– Да потому что у волшебных существ умение колдовать – врожденное! А вы ему учитесь! Вы просто живете очень долго, потому и умеете многое!

– Я не знал, – смутился Элин. – Я всегда полагал...

– Все волшебные существа знают! – продолжала бушевать фея. – Потому мы вас, драконов, и не любим! Вы самые обычные, а понтов-то, понтов!

– Аннет, ты простудишься. – Трикс двумя пальцами поймал бушующую фею за пояс и спрятал под одежду. – Элин, полетели.

– Мог бы и предупредить меня, что не один отправился в путь... – пробормотал дракон. Он выглядел очень смущенным.

Весь день они летели над предгорьями. Пролетели высоко-высоко над владениями барона Исмунда – люди внизу их заметили и принялись восторженно бегать взад-вперед, пуская в небо стрелы и фейерверки. Видимо, радовались. Опустились перекусить на склоне горы, рядом со стадом. Чабан куда-то делся, поэтому купить баранов не удалось, пришлось взять пару просто так.

– Тут живут очень гостеприимные люди, – успокоил Трикса дракон. – Никогда не спорят, если возьмешь барана-другого...

Аннет пришлось удовольствоваться пылью диких эдельвейсов, росших на горной круче.

Ночь тоже провели в полете – Элин объяснил, что драконы умеют спать во сне, продолжая лететь и не сбиваясь с курса. А утром остановились уже вблизи границы с Самаршаном, на высокогорном плато рядом с одной из рубежных крепостей. Ночью было холодно, но едва взошло солнце, быстро потеплело. На зеленом лугу раскрылись чашечки неярких полевых цветов и приободрившаяся Аннет отправилась завтракать. Элин же со вздохом сообщил, что им придется поголодать – охотиться в этих местах не на кого.

Трикс, который уже совсем освоился и перестал обращать внимание на размеры и устрашающие клыки дракона, растянулся на травке, глядя в чистое голубое небо, и спросил:

– Элин, так что там у вас такое стряслось? Почему ты решил призвать на помощь волшебника?

– Мы, драконы Самаршана, в большой опасности, – уклончиво ответил Элин.

– Ну, это я понял. А в чем дело?

– Слышал что-нибудь про Прозрачного Бога?

– Да, немножко. Это вроде как вождь какого-то племени?

Дракон захохотал.

– Вождь какого-то племени? Да, год назад было так. И даже полгода назад. А сейчас – это без одной минуты Великий Визирь при султанах Абнувасе.

– И что с того?

Дракон вздохнул:

– Я вижу, ты хоть и могучий волшебник, но в тонкостях политики не слишком искушен. Султан Абнувас ничего в Дахриане не решает. Все зависит от Великого Визиря. Много лет им был Аблухай, учившийся в университете города Джарума, человек мирный и любящий радости жизни. При нем и в Самаршане стало спокойнее, и с вашим королевством замирились, и даже с Хрустальными Островами торговля наладилась. Но с тех пор, как вождь кочевого племени Алхазаб, да не осквернит мой рот его имя, объявил себя Прозрачным Богом – все изменилось! Сейчас уже весь Самаршан, от гор Амалай и до соляных болот Арокко, от моря Кьёрт и до пустынь Инкуш, поклоняется Алхазабу, лишь в Дахриане сохранились мир и покой. Но это ненадолго. Не позднее чем через месяц вожди племен съедутся в Дахриан и объявят Алхазаба новым Великим Визирем. А тот первым делом пойдет войной на ваше королевство!

От обилия непривычных имен у Трикса в голове все перемешалось.

– А этот... Абну... Аблу...

– Алха, – подсказал дракон. – Ты имеешь в виду Алхазаба, Прозрачного Бога?

– Ну да! Он что, воевать хочет?

– Нет, он за мир во всем мире. Только он хочет править этим миром.

– Подумаешь, – пожал плечами Трикс. – Так всегда бывает. Повоеюем – и помиримся.

– На этот раз будет иначе, – зловеще сказал дракон. – Начнем с того, что Алхазаб не зря прозван Прозрачным Богом! Он обладает силой, превосходящей не только человеческую, но и волшебную!

– И драконью? – заинтересовался Трикс.

Элин промолчал.

– Это плохо, – огорчился Трикс. – Но у нас много великих волшебников, огромная армия и просторная территория, куда можно заманивать врага до тех пор, пока он не упадет от усталости. Мы так всегда побеждали. А вы-то, драконы, здесь при чем?

– Девятьсот девяносто девять лет назад драконы со всего мира бежали в знойные пески Самаршана, – начал Элин. – Во-первых, мы скрывались от злых людей, во-вторых, нам на юге куда лучше. Мы тепло любим. Нет, конечно, всякие упрямцы остались и на севере, и на востоке, и на западе, но почти все драконы сейчас живут в Самаршане...

– Про это я что-то слышал, – кивнул Трикс.

– Мы никому не мешали, жили себе спокойно, – с прорезавшейся обидой воскликнул Элин. – Ну овца, ну верблюд... мешок золота иногда... чтобы принцесса – так это уж совсем редко, да ты бы видал этих южных принцесс, это же сплошной холестерин!

– Чего? – не понял Трикс.

– Не важно, – осекся Элин. – Короче, беда в том, что когда мы все поселились в пустынях Самаршана, то заключили Общий Договор с Великим Визирем. Три раза за тысячу лет все драконы обязаны подчиниться Визирю и выступить на его стороне в войне. Первый раз это было семьсот лет назад, когда из-за океана приплыли медноголовые воины. Второй раз – сто

шестьдесят лет назад, когда мы помогли отбить атаку Маркеля Разумного и заключить мир с вашим королевством.

– Я читал в летописи, что Маркель Разумный остановил войска вблизи Дахриана и заключил мир только по своей доброте и нелюбви к кровопролитию! – ахнул Трикс.

Дракон только фыркнул.

– А третий раз? – спросил Трикс.

– А он случится после того, как Алхазаб придет к власти, – сказал Элин. – Мы все отправимся воевать. У нас другого выхода нет, долг чести, сам понимаешь. Мы вас всех пожжем, а вы нас всех убьете. И останется только Алхазаб со своей армией.

– Так надо что-то делать! – воскликнул Трикс. Ему очень ярко представилась жуткая картина – тысячи драконов, пикирующие на города, поливающие их струями пламени... несущиеся навстречу драконам стрелы и заклинания... а вдали, в безопасности, ожидают своего часа свирепые воины злобного Алхазаба.

– Конечно, надо! – поддержал его Элин. – Вот потому я и решил позвать на помощь Щавеля. Ну, не получилось со Щавелем – получилось с тобой. Тебе и придется что-то придумать.

2

Тягостнее всего было лететь последний день. Они мчались над пустыней, широкие крылья дракона ритмично молотили воздух. Трикс, конечно, уже не прятался в мягкой шерсти под чешуей – он сидел на спине Элина и наслаждался теплым воздухом, бьющим в лицо. Впрочем, солнце грело уж слишком тепло, на голову пришлось нахлобучить капюшон мантии.

– Далеко еще? – разглядывая проплывающие под ними белые руины, затерянные в дюнах желтого песка, спрашивал Трикс.

– Я же тебе говорил – недалеко!

На некоторое время Трикс умолкал, но после очередной дюны или очередной одинокой руинки не выдерживал и спрашивал:

– А теперь?

– Ближе!

– Почему здесь так пустынно, Элин?

– Потому что это пустыня!

– Как же здесь жить?

– А здесь и не живут. По пустыне ходят – от оазиса к оазису.

Трикс вздохнул. В его представлении Самаршан был страной жаркой, но при этом зеленой, заросшей таинственными густыми лесами. Пустыни представлялись ему чем-то вроде полянок в лесу, только покрытых не травой, а песком. На самом же деле пустыня оказалась похожей на море. Море сухого горячего песка, с барханами – волнами, с редкими островками-оазисами и древними руинами – остатками забытых кораблекрушений...

– Тебе не нравится Самаршан, – не спросил, а заявил дракон.

– Не очень! Я люблю, когда деревья. Когда речки, трава...

Трикс сказал это и загрустил. Приключения – это хорошо, и когда тепло – тоже здорово. Но пустыня навевала на него тоску.

– Не переживай, – сказал дракон, помедлив. – Здесь не так уж и плохо. Ты не видел, как пустыня оживает весной. Как вечером, на закате, поют дюны. Как по утрам солнце красит барханы в розовый цвет. Как по ночам, когда налетает холодный ветер, выбегают из нор зверьки, двигаются в путь караваны, устраивают свои набеги разбойники...

Трикс немного приободрился.

– Видишь впереди темное пятно? – спросил дракон.

– Да.

– Это Три Колодца. Оазис, где тысячу лет живет моя семья... – Дракон неожиданно вздохнул. – Ох... что сейчас будет...

– Что? – насторожился Трикс.

– Да ты не волнуйся... тебе-то что... Проблемы мои. Я отправился за волшебником без разрешения. Это была исключительно моя инициатива.

Что-то в интонациях дракона Триксу не понравилось. И даже хуже, чем не понравилось – показалось знакомым...

– Я же тебе говорила, драконы вечно недоговаривают! – шепнула из-под воротника Аннет. – Поверь моему чутью – нас ждут большие неожиданности!

Трикс крепче сжал в руках магический посох и приготовился встретить любые неожиданности во всеоружии.

И неожиданности не заставили себя ждать. От темного пятна оазиса взмыли вверх и стали стремительно приближаться навстречу Элину два дракона, один оранжевый – как и Элин, а другой зеленовато-желтый. Драконы были огромные, раза в два длиннее Элина, и выглядели очень угрожающе!

– Как ты нас напугал! – проревел оранжевый дракон, закладывая вираж и пристраиваясь к Элину с правого бока.

Зелено-желтый дракон пристроился к Элину слева и со всхлипом произнес:

– Никогда больше так не делай! Запомни, малыш, никогда!

Трикс отчетливо понял, что именно происходит. И ему крайне не понравилось это понимание.

– Я принес мага! Смотрите, это маг! Великий волшебник! – отчаянно прокричал Элин. – Это ученик Радиона Щавеля, должного нам по законам чести! И я привел его на помощь!

Две здоровенные головы (у Трикса появилось неприятное ощущение, что эти драконы могли бы проглотить его, даже не разжевывая) вытянулись к Триксу. Внимательно изучили. Потом оранжевый дракон заявил:

– Это детеныш, Элин. Даже лучшие людские волшебники слабы, а детеныш вообще ни на что не годится.

– Ну, он не совсем уж детеныш, – рассудительно добавил зелено-желтый дракон. – Полагаю, ровесник нашего дурачка. Но это дела не меняет.

– Ты попал, братец, – рассудил огромный оранжевый дракон и быстро помчался к оазису. Зелено-желтый с криком: – Нет, я расскажу! – рванулся следом.

– Элин! – завопил Трикс. – Элин Абулла Мумрик! Заклинаю тебя твоим истинным именем – ответь, сколько тебе лет?

– Сто пятьдесят! – крикнул дракон, и в его голосе послышалось что-то похожее на слезы.

– А по человеческим меркам это сколько?

– Пятнадцать!

– Врет! – пискнула Аннет. – Врет и не краснеет! По человеческим ему и десяти не будет. Я же говорила – обманет!

– Я ни в чем не обманул! – оправдывался Элин, снижаясь. – Вы же не спрашивали, сколько мне лет! И какая разница? Какая разница, в конце концов?

Но Трикс его уже не слушал. Он в ужасе смотрел на оазис.

Три Колодца представлял собой маленькое озеро, окруженное тремя скалами. С каждой скалы сочились в озеро родники. Озеро и скалы кольцом окружали пальмы и еще какие-то незнакомые южные деревья – некоторые темнозеленые, некоторые белесые, будто пухом покрытые, некоторые цветущие. Это было даже красиво.

Но вот что точно не показалось Триксу красивым – так это два дракона, стоящие на берегу озера. Один был оранжевый, и если бы какой-то герой сумел его измерить, он бы точно оказался длиннее полусотни метров. Второй, желтоватый, был чуть поменьше, но поплотнее, покряжистее. Драконы смотрели на Элина очень неодобрительно. А вокруг сустились, подпрыгивая, два встретивших их дракончика.

Все это очень явно напоминало банальную семейную сцену – старший брат и сестра ябедничают родителям на напроказившего младшего брата. Трикс почувствовал, как Элин под ним начал мелко дрожать.

– Влетит? – спросил Трикс тихонько. Но Элин услышал и ответил, тоже довольно тихо:

– Когда у папы так дым из ушей идет – точно влетит...

Видимо, от волнения, Элин приземлился как-то неуклюже, даже не на берег, а на мелководье. Трикс от толчка полетел с его спины и распростерся в воде. Наступила гнетущая тишина.

А потом воздух потряс такой рев, что по воде пошла рябь:

– Неужели ты не понимал, что мы будем волноваться? Неужели ты не знал, что мама будет вне себя от тревоги, будет плакать?

Уши Триксу сразу заложило и это было хорошо, потому что теперь он мог хоть кое-как терпеть разговор драконов.

– Ну, чего вы беспокоились... – промямлил Элин.

– Подумай только! – сказал желтый дракон. – А если бы ты упал в горах? Если бы мы тебя потеряли?

– Вы бы огорчились?

– А как ты думаешь? – ответил желтый дракон. – Ни за какие сокровища в мире мы не согласились бы расстаться с тобой. Ты же и сам это знаешь.

– И даже за сто тысяч миллионов королевских золотых талеров?

Снова наступила тишина.

– Ну глупостей-то не спрашивай! – рявкнул оранжевый дракон. – И не надо ставить родителей в ситуацию, когда им придется либо врать, либо выглядеть жадными бессердечными чудовищами!

– Папа! Мама! Я привез волшебника! – робко произнес Элин. Трикс кое-как выпрямился, стряхнул с себя часть воды и даже взял посох поудобнее.

Две исполинские и две огромные драконьи головы приблизились к Триксу. От драконов пахло жареным мясом, светильным маслом и почему-то болотом.

– Ученик волшебника, – сказал (явно стараясь говорить тихо) исполинский оранжевый дракон. – Уровня преспешника. Довольно способный.

– В принципе мог бы даже считаться волшебником, – мягко добавил желтый дракон. – Ну... по человеческим меркам...

– Алхазаб его даже не заметит, – беспощадно добавил оранжевый.

– Ну почему же, милый? – сказал желтый дракон. – Заметит и мимоходом прихлопнет.

Трикс набрался смелости и сказал:

– Позвольте поприветствовать вас, уважаемые драконы. Вы, как я понимаю, отец Элина? А вы – его любезная матушка?

Драконы мрачно смотрели на Трикса.

– Я – ученик Радиона Щавеля, – продолжал Трикс, ободренный тишиной. – Ваш уважаемый сын напомнил мне о долге чести Радиона перед вашим семейством. И я готов оказать всю потребную помощь.

– Может быть, съедим его? – спросил оранжевый дракон. – И сделаем вид, что никого не было.

– Ну, нехорошо как-то... – нахмурилась желтая драконесса.

– Ваш сын позвал меня на помощь! – завопил Трикс. – Мы заключили соглашение, вы не имеете права меня есть!

– Он еще несовершеннолетний! – рявкнул оранжевый дракон. – Какое еще соглашение можно заключить с ребенком?

– Но я узнал его истинное имя... – начал Трикс и тут же понял, что его язык слишком поторопился.

– Придется съесть, – вздохнула драконесса. – Ничего личного, но... Просто в целях безопасности Элина.

В минуты опасности Трикс порой соображал довольно быстро.

– Закон! – закричал он. – Закон первой встречи! Три загадки!

Оранжевый дракон, уже разинувший пасть, замер. Захлопнул рот. Смерил Элина уничтожительным взглядом.

Элин попытался спрятаться за спину Трикса. Получилось плохо.

– Закон есть закон... – мрачно сказал дракон-папа. – Будешь соревноваться с каждым из нас по очереди?

– Нет, команда на команду! – заявил Трикс. – Ваша команда и моя!

– А кто в твоей? – насторожилась драконесса.

– Моя фея!

– Ну, спасибо, – прошептала Аннет, выбираясь из-под мантии и отряхивая воду с крылышек. – Ну, удружил. Всегда мечтала померяться умом с драконами!

– А что, если бы меня проглотили вместе с тобой – это было бы лучше? – огрызнулся Трикс.

Драконы тем временем неспешно отошли в сторону. Дракон-папа и дракон-мама, вытянув шеи вверх, принялись о чем-то шептаться. Шепот, конечно, был все равно громкий и разборчивый, но, к сожалению, говорили они на драконьем языке, который, по слухам, еще не смог выучить ни один человек.

– Трикс, извини, пожалуйста, – виновато сказал Элин. – Я не думал...

– Ты мне сможешь подсказать? – спросил Трикс.

– Я никогда не мог разгадать папины загадки... – печально признался Элин. – Знаешь... если ты быстренько телепортируешься...

Признаваться в своем неумении Трикс не стал, только покачал головой.

– Главное, не придумывай никаких загадок на знание, – посоветовал Элин. – Папе тысяча триста лет и он знает все на свете. И не придумывай никаких арифметических загадок. Мама может сосчитать число волос на твоей голове за одну секунду. И никаких логических загадок тоже не надо – мы, драконы, очень сильны в логике.

Два исполинских дракона вернулись к Триксу и Аннет. Брат и сестра Элина возбужденно сустились рядом.

– Я хочу обговорить условия! – сказал Трикс.

– Ну, давай, – похоже было на то, что оранжевого дракона происходящее развлекало.

– Загадки должны иметь решение!

– Это обязательно, – согласился дракон-папа.

– Загадка должна быть решаемая!

– А это еще что?

– Ну... вы не должны задавать вопросов вроде «сколько деревьев растет на самом большом острове моря Кьёрт».

– Там растет сто тридцать два дерева, а еще восемь засохло.

– Но я-то этого не знаю и знать не могу! Пусть загадки будут такими, чтобы их было возможно разгадать разумному существу, исходя из общедоступных знаний!

Дракон усмехнулся:

– Это не поможет тебе, маленький волшебник. Но я готов сделать такую уступку. Что еще?

– Загадка должна иметь только одно решение! Без всякой двусмысленности!

– Ты хочешь сказать, что мы не должны использовать парадоксы? – заинтересовался дракон.

– А что такое парадоксы? – смутился Трикс.

– Парадоксы? К примеру, я говорю – «Я всегда лгу!» Правду я сказал или ложь?

– Если правду... то ты всегда лжешь... А если соврал, то сказал правду... Получается, что если ты сказал правду, то солгал, а если солгал, то сказал правду! – Трикс кивнул. – Ну да. Я это и имел в виду. Не задавать загадки, у которых есть два противоположных решения.

– Хорошо, – кивнул дракон. – Я согласен, что это не очень-то спортивно.

– К тому же мы могли бы применять парадоксы в ответ! – громко пискнула Аннет. – Это обоюдоострое оружие!

Дракон ухмыльнулся.

– Ну, загадывай!

– Лучше вы, – вежливо ответил Трикс.

У него вдруг появилась робкая надежда. Вопреки всей самоуверенности оранжевого дракона тот, похоже... нервничал?

– Тогда слушай, человечек! – рявкнул дракон. – Один волшебник серьезно провинился перед драконами. Драконы привели его на суд и сказали: «Либо мы тебя съедим, либо отпустим! Вот два пергамента, на одном написано „съесть“, а на другом „отпустить“. Выбери сам свою судьбу!» Но волшебник случайно заметил, что на обоих пергаментах написано «съесть». Что он сделал, чтобы спастись?

«Он же меня запугивает, – подумал Трикс, у которого и впрямь похолодело в груди. – Точно, запугивает! Значит... значит, не такие уж и сложные его загадки...»

– Я думаю, волшебник уличил драконов в обмане! – шепнула Аннет. – И тогда им ничего не оставалось, кроме как его отпустить!

Трикс посмотрел в немигающие драконьи глаза. Поймав его взгляд, дракон демонстративно облизнулся.

«Съест, – подумал Трикс. – Точно, съест...»

– Съест... – сказал Трикс.

– Что?

– Волшебник съест один пергамент, не читая! – Трикса вдруг осенило. – Скажет, что не хочет выбирать, к примеру! И тогда, чтобы понять, какой пергамент он съел, надо будет прочитать второй. Раз на втором тоже написано «съесть», то на первом должно было быть написано «отпустить». Драконы же не будут признаваться в коварстве! И волшебника придется отпустить.

– Это правильный ответ, – холодно сказал дракон-папа. – Хорошо, с простенькими загадками ты справляешься. Теперь загадывай свою загадку!

– Может быть, что-то про фей? – зашептала на ухо Триксу Аннет. – Вряд ли они много про нас знают!

Трикс покачал головой. Какой вопрос можно задать существу, которое живет так долго, что стало умнее всех на свете?

Нет, неправильно! Драконы вовсе не умнее. Они просто долго живут и память у них хорошая. За тысячу лет кто угодно научится хорошо считать, выучит все загадки на свете и перезнакомится с кучей мудрецов. Что ему еще делать-то, дракону? Рук у него нет, сделать толком ничего дракон не может. Летай, колдуй и разговаривай...

А какие у драконов есть слабости?

Ну, во-первых, они очень любят золото и драгоценности. Непонятно, зачем они им, но никакой уважающий себя дракон от золота не откажется...

– В городе Босгард, – осторожно начал Трикс, – живет один дурачок. Его всем приезжим показывают, потому что такого дурака еще поискать надо. Если ему дать медную монету и серебряную, то он обязательно выбирает медную. Почему?

– Это очень легкий вопрос, – не раздумывая, ответил дракон. – Дурачок считает, что желтая монета – золотая, потому и выбирает ее. Ведь все знают, что золото куда ценнее серебра!

– Неправильно! – крикнул Трикс. – Вот и нет! Дурачок на самом деле все прекрасно понимает. Только если бы он выбирал серебряную монету, ему бы никто не предлагал выбирать из серебряной и медной!

Некоторое время дракон раздраженно смотрел на Трикса. Потом сказал:

– Этот ответ... этот ответ может быть правильным. Но это омерзительно. Постарайся не загадывать больше таких чудовищных загадок!

– Угу, – сказал Трикс. – Загадывай.

– Один волшебник серьезно провинился перед драконами. Драконы привели его на суд и сказали: «Либо мы тебя съедим, либо отпустим! Вот два пергамента, на одном написано „съесть“, а на другом „отпустить“. Выбери сам свою судьбу!»

– Ты уже это загадывал! – напомнил Трикс.

– Дослушай вначале! Волшебник случайно заметил, что на обоих пергаментях пишут одно и то же слово, но он не знал, какое именно. Что ему надо сделать – взять любой пергамент в надежде, что это слово «отпустить», или взять и проглотить, в надежде, что это слово «съесть»?

– Мы влипли... – пробормотала Аннет, усаживаясь Триксу на плечо. – Тут не может быть ответа, это чистая случайность!

Трикс посмотрел в немигающие драконьи глаза. И вдруг... вдруг ему показалось, что он видит в них вовсе не злость, а любопытство.

– Ему надо сделать точно так же. Если в обоих пергаментях было написано «отпустить», то его все равно не собирались есть, а только испугать. А если в обоих «съесть»... то как в первом случае.

– Допустим, – помедлив, сказал дракон. – Теперь твоя загадка.

– У одного короля было два экземпляра древней магической книги, последние, сохранившиеся в мире. К нему пришла делегация волшебников и сказала: «Ты все равно не владеешь магией. Продай нам одну из книг за тысячу золотых монет!» Король подумал, велел принести одну книгу... и что он после этого сделал?

Дракон размышлял. Потом кивнул:

– Полагаю, он дал волшебникам возможность полюбоваться ею, даже прочел несколько строк из заклинаний, чтобы возбудить интерес... Потом король потребовал куда большую сумму!

– Неправильно, – сказал Трикс. – Он взял эту книгу и сжег в камине, на глазах у волшебников.

Дракон нахмурился. А потом усмехнулся:

– Что ж, верное решение, хоть и трудное. Если осталась одна, последняя книга, то ее цена возрастет многократно... Хорошо, маленький волшебник! Слушай мою третью загадку. Один волшебник серьезно провинился перед драконами. Драконы привели его на суд и сказали: «Либо мы тебя съедем, либо отпустим! Вот два пергамента, на одном написано „съесть“, а на другом „отпустить“. Выбери сам свою судьбу!» Но волшебник случайно заметил, что оба пергамента пусты. Почему?

Трикс помолчал. Вздыхнул. И ответил:

– Потому что жизнь и смерть не отдадут на волю случая. Что бы ни было написано на пергаментях, «съесть», «отпустить» или вовсе ничего – от этого судьба волшебника не зависит. Все зависит от того, что решат драконы – или что они уже решили.

Дракон улыбнулся.

– Что ж, говори свою третью и последнюю загадку.

– К одному молодому волшебнику прилетел дракон и попросил его о помощи, – сказал Трикс. – Волшебник знал, что драконы суровы и опасны. Но ему сказали, что это – долг чести. Как следовало поступить молодому волшебнику?

Огромная морда дракона приблизилась к Триксу вплотную. Некоторое время дракон смотрел на него. Потом повернул голову к Элину и сказал:

– Признаю, ты выбрал хорошего человека. Хотя предупредить нас о своем решении было бы правильнее!

Неуловимо быстрым движением оранжевый дракон выпрямился во весь рост. И произнес:

– Трикс, я признаю тебя достойным дружбы с драконами. Мое тайное имя – Зуа Хамид Мируа.

– Ух, – прошептала Аннет и вцепилась Триксу в ухо. – Вот это да...

– Но ты зря проделал свой путь в Самаршан, – продолжил дракон. – Мой сын слишком юн и наивен. Никто из ваших волшебников не сможет сразиться с Прозрачным Богом. Даже мы, драконы... – Он помолчал. – Великий Визирь Аблухай сегодня утром призвал всех драконов явиться в Дахриан. Я не знаю, какова будет его воля. Возможно, он решится сразиться с

Прозрачным Богом – и тогда нас ждет страшная битва. А если нет... что ж. Если нет, то Алха-заб станет Визирем и отправит нас в бой с твоим народом. Для тебя, конечно, лучше первый вариант.

– Я могу вам помочь! – искренне сказал Трикс.

– Нет. Ты ничем нам не поможешь, Трикс Солье, наследник герцога и ученик мага. Отдохни, соберись с силами и отправляйся домой. Завтра через оазис пройдет караван, который везет пряности в твою страну. Любой караванщик будет счастлив нанять мага для охраны и помощи в пути. Удачи тебе, маг!

– Папа, но я же старался! – воскликнул Элин. – Неужели мы даже не попытаемся...

– Не надо вмешивать слабых в войну сильных, – наставительно сказал Зуа. – В путь! До Дахриана целый день полета!

Элин смерил Трикса растерянным взглядом. Трикс столь же растерянno пожал плечами.

А драконы тем временем отправлялись в путь. Среди деревьев оазиса была расчищена (и, похоже, не без помощи пламени) широкая просека. Первым по ней побежал Зуа Хамид Мируа, смешно подпрыгивая на двух лапах и не решаясь расправить свои крылья, пока он не выбежал за пределы оазиса. Потом брат и сестра Элина. Потом его мать.

– Ты извини, что так получилось... – промямлил Элин и кинулся вслед за семьей.

Один за другим драконы взмывали в небо. Они сделали несколько кругов над оазисом, поджидая замешкавшегося Элина (Трикса накрыло тенью, будто от темных грозовых облаков), и устремились на восток. Прошла минута – и о драконах напоминал только легкий запах, витающий в воздухе.

– Аннет, ты чего-нибудь понимаешь? – спросил Трикс, снимая мантию и раскладывая на камне для просушки.

– Ну, во-первых, долг чести Щавеля уплачен, – практически рассудила Аннет. – Ты же прибыл на зов, не важно, что от твоих услуг отказались. Во-вторых, тебя не съели. На самом деле это даже во-первых! В-третьих, в Самаршане так или иначе намечается серьезная заварушка. И надо отсюда побыстрее сматываться.

– Но так не делается! – возмутился Трикс. – Это словно читаешь летопись про рыцаря, который отправился на сражение с великаном... а в ближайшем трактире ему говорят: «Великан слишком большой, ты с ним не справишься...», и рыцарь возвращается в свой замок. Такого не бывает!

– О, как раз такое бывает сплошь и рядом! – обрадовалась Аннет.

– Про такое в летописях не пишут.

– Конечно. А счастливы как раз те люди, про которых в летописях не пишут. Это они не погибли во время чумы, не сгорели во время пожаров, не совершили подвигов на войне, не провели полсотни лет в темнице и не пали пронзенные копьем на турнире. Утром они шли на работу, после работы выпивали с друзьями кружку пива, потом помогали сыну выстругать свистульку, а дочери заплетали косы, потом обсуждали с женой планы на выходной и ложились спать. Слушая рассказы сказителей о войнах и приключениях, они охали, качали головой и говорили: «Как хорошо, что все это случилось не со мной!» Жизнь их текла скучно, мирно и долго. И когда они умирали от старости, скорбели о них только многочисленные дети, внуки и правнуки.

– Ну какое же это счастье? – возмутился Трикс. – Вот отправиться одному на битву с целым стадом кентавров, как Грон Безрассудный, пасть под копытами и быть прославленным в веках – это счастье! Вместе с тридцатью друзьями три месяца оборонять горное ущелье от гномьего хирда, как Лоран Мечтательный – это подвиг, который запомнят на все поколения! Даже быть ловким вором, как Арен Клопен, со страшным риском и неподражаемым искусством похитить алмаз Великого Визиря, а на следующий день бездарно проиграть его в карты... вот об этом будут песни петь до тех пор, пока люди не разучатся воровать!

Аннет снисходительно посмотрела на Трикса.

– Любимый, ты иногда меня поражаешь своей наивностью. Ты сейчас путаешь счастье и славу. А ведь это совершенно разные вещи!

– Но ведь можно быть сразу и знаменитым, и счастливым! – пылко сказал Трикс.

– Можно, – подумав, признала Аннет. – Но поверь, быть просто счастливым куда проще и безопаснее.

Трикс досадливо махнул рукой. Ну какой смысл спорить с маленькой цветочной феей? Что она понимает в человеческой жизни?

– Как ты думаешь, далеко ли отсюда до Дахриана? – спросил он.

– Все-таки неймется? – сказала Аннет. – А представь, как волнуется Щавель? Как будут переживать твои родители? Что скажет Тиана, когда узнает, что тебя героически посадили на кол?

Трикс заерзал.

– Ну, знаешь... если сразу ожидать худшего...

– Ты вначале отдохни, – ласково сказала Аннет. – Собери плоды, покушай. Вымойся в озере, от тебя несет драконьим потом. Поспи нормально в тенечке. Потом уже решай, что будем делать. А я, с твоего позволения, полетаю по оазису, подкреплюсь...

Фея унеслась вдаль. Трикс подумал и решил, что в ее словах есть резон. Пользуясь отсутствием Аннет (пусть она и фея, и волшебное существо, и фамилиар, но ведь ко всему еще и девчонка!), он разделся, искупался в озере и выстирал одежду. Штаны натянул мокрыми, все остальное развесил сушиться на кустах жасмина. Побродив немного по оазису, набрел на банановую рощицу, а потом еще и на несколько деревьев с неизвестными, но явно съедобными плодами (во всяком случае, судя по следам, драконы ими лакомились).

Когда через пару часов Аннет разыскала Трикса, тот сладко спал на берегу, в тени красных олеандров. Фея явно была в хорошем настроении – она то и дело хихикала, летела по довольно замысловатой траектории и временами пыталась колдовать, что делала крайне редко. Возможно, ее поведение имело отношение к цветам, чьей пыльцой она лакомялась... однако поскольку мы не знаем этого точно, то не станем делать неосмотрительных выводов.

Может быть, ей просто напекло голову горячее южное солнце?

– Трикс... – Фея уселась мальчику на лоб и принялась колотить босыми пятками по векам. – Трикс, вставай, лежебока!

Трикс открыл глаза, поморщился и стряхнул фею, чем привел ее в еще больший восторг.

– Ты чего наелась? – спросил он.

– Нектара! – с вызовом ответила Аннет.

Трикс только вздохнул и пошел к озеру умываться.

– Наверное, ты права, – сказал он. – Я вот поспал и подумал, надо нам возвращаться...

– Ты что? – возмутилась фея. – Сразу сдался? А как же подвиги? Приключения? Слава?

Трикс удивленно посмотрел на нее.

– Но ты сама говорила...

– Мало ли, что я говорила! Ты пойми, нельзя отступать! – непоследовательно сообщила фея. – Если уж тебя позвали на помощь – надо помогать, невзирая на последствия. Это твой долг!

– Какой еще долг?

Фея наморщила лоб.

– Ци... цивили... цивилизационный. Бремя белого человека! Ты пришел в эти дикие жаркие края, чтобы принести свободу и счастье.

– Вообще-то я пришел, потому что меня позвали, – сказал Трикс. – Знаешь, я даже как-то подумал: вдруг этот Прозрачный Бог не такой уж и плохой? Может, он и не станет воевать?

– А ты спроси у караванщиков, – посоветовала Аннет.

– Каких еще караванщиков? – насторожился Трикс.

– На том конце оазиса... пять человек, двенадцать верблюдов... – Аннет зевнула и прилегла на песок.

Трикс только вздохнул и принялся одеваться.

Это был явно не тот караван, про который упоминал Зуа Хамид. Судя по грузу, шел он не во владения Маркеля, а в Дахриан. На грузовых верблюдах были навьючены тюки с льняными тканями, которые в Самаршане ценили, но производить не умели, деревянные короба с клеймами гномьих мастеров (гномы не раз пытались обосноваться в Самаршане, но рыть шахты в песке так и не научились), травяные плетенки, скрывающие в себе эльфийские диковины (эльфы в Самаршане тоже не селились, после того, как обнаружили, что эльф-лучник, сидящий на пальме, вызывает у окружающих не трепет и уважение, а гомерический хохот).

Вели караван смуглые самаршанцы – толстый бородатый купец в цветастых одеждах, его молодой бородатый помощник (скорее всего, по местной традиции, племянник – считалось, что чужой человек будет с молодым торговцем слишком строг, а родной отец избалует). Охранников было всего трое, но это были суровые воины пустыни, замотанные с ног до головы в белые некогда одежды – только поблескивали в узкой щели бурнуса настороженные черные глаза.

При появлении Трикса (магический посох, дабы не пугать мирных жителей, он нес под мышкой) караванщики насторожились. Охранники положили ладони на рукояти кривых сабель (говорят, что поначалу у местных кузнецов просто не получались прямые мечи, а потом они решили, что и кривая сабля неплохо рубит), юноша-подручный взялся за увесистую дубинку, сам же купец вышел вперед и оправил бороду.

– О, радость моих глаз, отрада моего сердца, чудный незнакомец, встреченный в диком месте... Ответь мне, не являешься ли ты могучим драконом, посредством великой магии обратившимся в человека?

– Нет, я вовсе не дракон, – смущенно сказал Трикс. – Я просто ма... юноша.

Ободренный караванщик подошел поближе и внимательно осмотрел Трикса.

– О, не являющийся драконом отрок... ты миловиден лицом и довольно жилист, но не производишь впечатление свирепого воина. Что же ты делаешь один посреди страшной пустыни, где тебя может схватить любой честный торговец и продать на невольничьем рынке за двадцать пять серебряных динаров?

– За двадцать, – поправил караванщика племянник.

Триксу это уточнение почему-то не понравилось.

– Я прилетел сюда со своим драконом, о честнейший из торговцев, – ответил он. – Для нас, волшебников, это излюбленный метод передвижения.

Во взгляде караванщика появилось сомнение.

– О, сильнейший из сильных... не смею подвергать твои слова сомнению, но обычно волшебники делают так... – Он развел руками. – Фьють – и перенеслись в другое место.

– Это если они... то есть мы, спешим, – сказал Трикс. – А чтобы насладиться красотами природы, мы путешествуем неспешно.

Купец оглянулся на бескрайнюю пустыню и почесал кончик уха.

– О, сколько мудрости в твоих словах... – со скепсисом произнес он.

Трикс заметил, что охранники стали неторопливо расходиться, окружая его кольцом. Ну, ладно, не кольцом, треугольником, но Триксу стало как-то не до геометрии.

Он достал из-под мышки магический посох и что было силы треснул им по песку.

Эффект был неожиданный. Как правило, посох преспешника при ударе о землю светится, искрит и издает шипящие звуки – в общем, эффект примерно такой, словно колотишь о землю тлеющей палкой и случайно попадаешь по змее. Но при соприкосновении с песком

оазиса – то ли из-за непривычной поверхности, то ли из-за иного уровня магии в почве, то ли из-за долгого проживания в этом месте драконов – посох повел себя необычно.

Из земли струей ударил чистейший родник, посох в руках Трикса изогнулся и зашипел, а росшая рядом пальма покрылась цветами.

Охранники убрали руки с сабель и сделали вид, что прохаживаются, разминая затекшие ноги. Племянник караванщика принялся чистить верблюда. Караванщик выпучил глаза и произнес:

– О, наказание моих грехов... ты и впрямь великий маг!

Трикс, опасливо поглядывая на посох, кивнул.

– О, добрейший и снисходительнейший... – Купец помедлил. – Дозволено ли мне будет обращаться к тебе без междометия «о» в начале каждой фразы и цветастых эпитетов?

– Конечно, дозволено, – согласился Трикс.

– Спасибо большое, – кивнул караванщик и протянул Триксу руку. – Скрепим наши добрые отношения рукопожатием?

– Ну... давай... – Трикс обменялся с купцом рукопожатием.

– Не держишь ли ты на меня зла? – энергично тряс ладонь Трикса, спросил купец.

– За что?

– Как за что? За то, что мы собирались коварно напасть на тебя, связать, отвезти в Дахриан и продать на невольничьем рынке!

– А вы собирались так поступить? – поразился Трикс.

Во взгляде купца появилось искреннее уважение.

– Только сильный человек способен простить неуважение! – воскликнул он. – Но надо быть не просто сильным, а еще и мудрым человеком, чтобы сделать вид, будто вообще не заметил неуважения! Я – Васаб Куркум, скромный торговец из Дахриана. Окажи мне честь, будь гостем на моем привале, а если захочешь – спутником в дороге и хозяином в моем доме! Клянусь честью отца, что не замыслю против тебя дурного!

– Спасибо, – ответил смущенный Трикс. – С удовольствием...

– Эй, свирепые дети пустыни! – крикнул караванщик охранникам. – И ты, позор моего рода... Ставьте палатки, накрывайте стол. Сегодня будем пировать! Наш гость – великий волшебник!

Охранники засуетились. Купец тем временем смущенно посмотрел на бьющий под ногами родник и сказал:

– Только в сказках про такое читал, честное слово... Как это было бы полезно в пустыне... а дело в посохе или в тебе?

– Во мне. Посох без мага – что меч без рыцаря.

– Мудрые слова! – Васаб возвел глаза к небу. Потом дружески обнял Трикса за плечи и прошептал на ухо: – Не подумай, что я коварный злодей. Понимаешь, все дело в историко-культурно обусловленных особенностях нашего общества. Если бы я не попытался захватить тебя в рабство, меня стала бы презирать охрана и собственный племянник. На самом же деле я очень доброжелательный и даже отчасти сентиментальный человек. В Дахриане я соержу приют для старых верблюдов, отдаю положенную долю – пятнадцать процентов от доходов минус расходы – своей прибыли вдовам и сиротам. Вечерами сочиняю стихи и играю в нарды. Так что... не держи зла, могучий отрок.

– Да я ничего. – Трикс неловко высвободился из объятий купца и попробовал увести разговор в сторону. – А почему вы ко всем обращаетесь с этими «о» и цветастыми э... э...

– Эпитетами, – подсказал купец. – Понимаешь, в давние времена, когда наши народы попробовали перестать воевать и начать торговать, мы плоховато знали ваш язык. «О» служило для того, чтобы можно было подумать и составить в уме правильную фразу. А все эти красивые

слова – так, для охмурения покупателя. На самом деле это уже давно не работает и не нужно. Но традиция осталась. А традиции мы чтим.

Трикс кивнул. Рядом с ними тем временем как по волшебству поднимались полотняные шатры, прямо на песке была расстелена скатерть, а племянник купца разводил костер. День клонился к вечеру.

– Три Колодца – дивное, но опасное место, – сказал купец, оглядываясь. – С драконами-то всегда можно поладить... одного верблюда всегда на этот случай водим. Куда они делись, кстати?

– Улетели в Дахриан.

Купец погрузнел, похоже, ему не нужно было объяснять нынешний политический расклад в Самаршане.

– Не будем о грустном... – сказал он. – Но мой племянник клянется, что видел в оазисе еще что-то. Крошечную пери, порхающую среди дурной травы и залиvisto смеющуюся...

– А, эту... – засмеялся Трикс, отворачивая ворот мантии и демонстрируя Аннет. Фея спала, наполовину высунувшись из внутреннего кармана.

– Поймал? – с придыханием спросил купец. – Продашь?

– Нет.

– Я бы тоже не продал, – грустно сказал купец. – Что ж... пошли, выпьем немного зеленого чая, пока мой нерадивый племянник делает кебаб...

Трикс подумал, что быть подручным самаршанского караванщика – не такое уж и веселое дело.

3

Трапеза на Востоке – дело серьезное, требующее немало времени. Поэтому едят там обычно один раз, вечером, а в утреннее и дневное время перебиваются перекусами, чаем, сладостями и жевательным табаком, смешанным с известью, смолой и пряностями.

Но уж зато вечером любой самаршанец постарается провести за столом часов пять-шесть – даже если на столе этом будет одна черствая лепешка и кусок окаменевшего овечьего сыра.

За столом караванщика Васаба Куркума еды хватало. Были здесь и лепешки, и твердый сыр, и копченая козлятина – продукты незаменимые в странствии. Но помимо этого старательный племянник приготовил вкусный кебаб, сварил густой суп из бобов и пряностей, а к чаю высыпал на скатерть гору орехов, сухофруктов и разноцветного колотого сахара.

Был, разумеется, и кальян. Точнее – два кальяна. Один курили в сторонке, у зарослей дурман-травы, охранники. Другой, поочередно, Трикс и купец. Трикс и к положенной волшебнику трубке-то никак не мог привыкнуть, а уж кальян ему показался совсем странной затеей. Но из вежливости он старательно тянул теплый, пахнущий персиками воздух через заполненный водой сосуд и слушал печальные рассказы Васаба.

А купец, расслабившись от еды и дружбы с волшебником, принялся жаловаться на жизнь. Во-первых, ему не нравился нынешний Великий Визирь Аблухай, да продлятся дни его, который, покровительствуя искусству, превратил торговый город в какое-то сборище философов, фигляров и фокусников. Во-вторых, ему не нравился Прозрачный Бог Алхазаб, живи он тысячу лет, который не понимает, что воевать надо только в том случае, когда не идет торговля. А в-третьих, купец был уверен, что как бы ни повернулось дело в столице, но у него в любом случае отберут половину денег на военные нужды, другую половину на мирные, а третью половину, давно надежно зарытую в тайном месте, на непредвиденные расходы. Ну и еще, как положено, детей – начинающих, но успешных купцов заставят идти в кавалерию, а слуг заберут в пехоту.

В общем, поводы для грусти были нешуточные.

– Неужели ваш Алхазаб...

– Да продлятся его дни, – быстро вставил купец.

– ...так силен?

Васаб вздохнул:

– Да будет тебе известно, мудрый не по годам отрок, что мы, самаршанцы, всегда считались искусными, хоть и неспешными колдунами. Конечно, наш язык, удивительно сочный и красочный, в котором даже для обозначения песка в пустыне есть сто сорок семь различных слов, не способствует быстрому колдовству. Но если колдуну-самаршанцу дать достаточно времени – он посрамит любого вашего мага... – Васаб запнулся и быстро поправился: – Исключая, конечно, присутствующих.

Трикс покивал. От Щавеля он как-то слышал, что самаршанцам сильно мешает в колдовстве излишняя цветастость речи. И если в бытовой магии это не так уж и страшно, то в военной – смерти подобно.

– Еще три года назад Алхазаб, да будут жены его неисчислимы...

Трикс, конечно, слышал, что у самаршанцев частенько бывает по две-три жены, а у богатых порой и больше. Отец, если ему доводилось повздорить с матерью, часто восклицал, не слишком умело подражая восточному акценту: «О счастье мне, что живу не в Самаршане, где благородному человеку стыдно иметь меньше трех жен!» Говорил он это с чувством, и Трикс с юных лет укрепился во мнении, что многоженство – тяжелая обязанность и повинность богатых самаршанцев.

Но в словах Васаба вовсе не чувствовалось сочувствия. Да и сам Трикс почему-то ощутил скорее смущенную зависть и непонятное волнение.

– О чем-то задумался, волшебник? – спросил купец.

– Я? Нет, нет. Внимательно слушаю!

– Так вот, три года назад Алхазаб, пусть у него все будет даже лучше, чем ему хочется, был презренным вождем маленького вороватого племени. От прочих вождей он отличался только интересом к старинным книгам, поскольку мнил себя потомком древнего рода мудрецов. Так это или нет – никому неведомо. Но три года назад во время песчаной бури Алхазаб затерялся в пустыне. Его не было целый месяц, и его родичи уже передрались за право командовать той шайкой оборванцев, которую Алхазаб называл своим родом. Когда внезапно пропавший Алхазаб вернулся, один из его командиров даже решил бросить ему вызов. Но Алхазаб только усмехнулся, сказал пару слов – и ослушник вспыхнул ярким пламенем. Он горел целый час, оглашая окрестности воплями боли и ужаса, пока кто-то из жалости к своим ушам не проткнул его мечом. Ну а сам Алхазаб сказал, что в пустыне ему открылась великая мудрость. Он обрел великую силу и теперь требует называть его Прозрачным Богом и повиноваться каждому слову. Те, кто посмел усомниться, погибли ужасной смертью, о которой я не рискнул бы рассказать, даже если бы знал. Одно за другим подчинял себе Алхазаб окрестные племена. Кто-то из вождей принимал бой и ветер пустыни заносил тела песком. Кто-то подчинялся – и Алхазаб делал его своим приближенным. До поры до времени Великий Визирь не обращал на это внимания. Но когда визирю донесли, что Алхазаб хочет сам стать Великим Визирем и завоевать весь мир, даже Аблухай задумался. Он вызвал своих лучших убийц и повелел им со всем уважением казнить Прозрачного Бога. Убийцы поклонились и отправились в путь. Вернулись они куда быстрее, чем добирались от столицы до Алхазаба – их принесли в лапах песчаные голуби.

– Голуби? – поразился Трикс. – Как голубь может принести человека?

– Может-может! – закивал Васаб. – Если человека разрезать на тысячу кусочков, то тысяча голубей сможет его принести. Но знаешь, что самое ужасное?

– Что? – шепотом спросил Трикс.

– Голуби были голодные и изможденные от дальней дороги. Но ни один из них не посмел клевать то, что нес в лапах!

– Что за страсти ты рассказываешь мальчику перед сном? – Сонная фея выбралась из потайного кармана и раздраженно уставилась на Васаба. – Как я не люблю все эти ваши восточные жестокости... в землю бы заживо закапывала за такое!

Как обычно после злоупотребления пылью, фея была не в духе.

– Прекрасная пери! – взмолился Васаб. – Я умолкаю, если на то твоя воля!

– Не надо умолкать, – мрачно сказал Трикс. – Неужели Алхазаб и впрямь так силен?

Васаб часто закивал.

– Если убийцы ему ничего не смогли сделать, так неужели ваши придворные волшебники сплеховали?

– Они колдовали три дня и три ночи, собравшись в главном зале башни колдунов! – понизив голос, сказал Васаб. – А потом раздался страшный хохот, идущий из ниоткуда, и в одно мгновение башня заполнилась болотной грязью. Некоторые колдуны выплыли, некоторые остались в башне навсегда. Но насыпать на Прозрачного Бога проклятия уже никто не решался.

– Понятно, – сказал Трикс.

– Рассказать что-нибудь еще? – любезно спросил Васаб.

– Нет уж, хватит! – решительно ответила Аннет. – На этом ты прекратишь дозволенные речи, а Трикс отправится спать.

Трикс не стал спорить с феей, которая так решительно взялась командовать от его имени. Ему и впрямь хотелось спать, а еще его немного подташнивало – то ли от кальяна, то ли от историй Васаба, то ли от не слишком свежей баранины, пошедшей на кебаб.

Как волшебник, он получил в свое полное распоряжение лучший шатер, довольно мягкий тюфяк и очень удивившее его шерстяное одеяло. Зачем одеяло в пустыне?

Понял это Трикс только глубокой ночью, когда проснулся, стуча зубами от холода. Аннет, которая, когда он засыпал, еще коротала вечер у кальяна с Васабом, забила ему под рубашку.

Кляня странный климат пустыни, Трикс закутался в одеяло и некоторое время лежал, слушая ночные звуки. Вдали печально выл шакал (во всяком случае, Трикс надеялся, что это шакал, а не кто-нибудь пострашнее). Стрекотали неведомые насекомые. Сухо шумели сухие листья на пальмах (пальмы почему-то сухие листья не сбрасывали, они оставались на стволе, обвисая, и покрывали его шелестящей чешуей). Громко храпел в своем шатре Васаб Куркум. Поскрипывал песок под ногами охранника, прохаживающегося вокруг лагеря. Вдыхали во сне верблюды.

Трикс представил себе узкие улочки Босгарда, где до сих пор небось празднуют начало нового года. Гоняет по улицам детвора, рассказывая взрослым поздравительные стишки и кланча за это сладости. На улицах продают горячее вино с пряностями. Жарят колбасы с приправой из можжевельника и гарниром из красной капусты. Сжигают старый хлам на площадях (обычай, всецело поддерживаемый и одобряемый ремесленными гильдиями). Если нападало много снега, то строят из него крепости и кидаются снежками...

Триксу стало грустно и жалко себя, а в юности – это лучшее средство для крепкого и здорового сна.

Утро наступило куда раньше, чем хотелось бы Триксу. Он проснулся оттого, что шатер, под которым он спал, подняли, перенесли в сторонку и стали сноровисто упаковывать. Солнце только-только готовилось подняться из-за горизонта, было прохладно, позевывающий племянник Васаба готовил завтрак на костре, сам купец, вздыхая, пил чай пиалу за пиалой.

Трикс ошарашенно уставился на разбирающих шатер охранников. Васаб, увидев его удивление, пояснил:

– Надо выйти в путь пораньше, могучий юный маг. К полудню придется остановиться, солнце будет слишком жестоко к путникам.

– Ну, что решил? – тихонько спросила Трикса фея.

– Скажи, Васаб, а правда ли, что путь в мою страну лежит через этот оазис? – поинтересовался Трикс.

– Правда, – кивнул Васаб. – Одна из караванных троп пролегает здесь. Ты передумал ехать в столицу?

Трикс молчал.

– Дахриан – красивый город, – вздохнул Васаб. – Но если ты хочешь вернуться... и почему-то желаешь проделать свой путь как обычный человек... Я думаю, днем через оазис пройдет один, а то и два или три каравана. Они с удовольствием наймут тебя в качестве боевого мага.

– Так много караванов? – приятно удивился Трикс.

– Конечно. Ведь все знают, что скоро наши страны сойдутся в страшной войне, после которой, быть может, песок пустыни засыплет Дахриан, а трава прорастет сквозь камни вашей безымянной столицы. Пока этого еще не случилось – самое время немножко заработать.

Трикс подумал, что образ мысли самаршанцев все-таки остается для него полнейшей загадкой.

– Я поеду с тобой, Васаб, – сказал он. – Как долго будет длиться путь?

– Если будет на то воля Высшего, – купец почтительно прикрыл голову ладонями, поскольку упоминать о Высшем Божестве с непокрытой головой считалось у самаршанцев неуважительным и потому опасным, – то завтра к вечеру. Или послезавтра к утру. На все воля Высшего, да совет он нам такую крепкую веревку, чтобы мы поднялись из Теснины Страданий на Гору Блаженства ничуть не утомившись!

– Я поеду с вами, – вздохнул Трикс.

Через полчаса, умывшись в озере и позавтракав вчерашними лепешками с остатками вчерашнего кебаба, Трикс взгромоздился на верблюда (нельзя сказать, что это сильно понравилось верблюду или Триксу) и маленький караван двинулся в путь.

Солнце медленно вставало из-за горизонта. Теплело. Верблюды монотонно шагали между дюнами, Трикса раскачивало из стороны в сторону. Это сильно напоминало качку на палубе корабля.

– Не хочешь ли скоротать дорогу? – спросил Васаб.

– Как? – заинтересовался Трикс. – Песней?

– Песней? – поразился Васаб. – Нет, что ты. Песня сушит рот и горло, в пустыне не надо петь. Негромкое чтение стихов – вот что скрасит путь!

– Ну... начинай, – предложил Трикс.

Васаб откашлялся. И сказал:

– Я прочту тебе несколько врубай моего сочинения.

Стражники и племянник как-то незаметно поотстали от Куркума.

– Врубай? – удивился Трикс. – А что это?

– О! Это одна из вершин нашей поэзии! – обрадовался купец. – Не каждый может врубиться в мудрость, сокрытую в четырех коротких строчках... Вот, послушай...

Трикс кивнул и приготовился врубаться.

– Я напился вчера, хоть совсем не хотел,
И сегодня напьюсь, хоть пока не успел.
Что поделать! Я очень люблю напиваться,
Я и завтра напьюсь – ведь таков мой удел!

– Сильные стихи! – похвалил Трикс, которому вовсе не хотелось выглядеть неврубившимся. Ободренный Васаб кивнул: – Да, это из любимых... А вот еще:

Мы ничтожны пред небом, как будто червяк,
Не постигнуть Вселенскую мудрость никак!
Лишь Великий Визирь – он сильнее, чем небо,
Он мудрее Вселенной! Клянусь, это так!

Трикс задумался: – Ну... интересная мысль, конечно. Но как-то немножко приземлено. Васаб вздохнул и самокритично признал: – Да, философии чуть-чуть не хватает. Но это из обязательного. В начале каждого чтения врубай положено восхвалить Великого Визиря. Для иностранца, конечно, лучше врубайи с общечеловеческими ценностями. Вот, к примеру:

Дева юная, вновь ты явилась ко мне,
И слова о любви прошептала в огне...
Я проснулся – о ужас, жена моя рядом!
Лучше жизнь всю проспять и скончаться во сне!

– Это... интересно, – чуть смутился Трикс.

– Васаб знает, что нравится молодежи! – ухмыльнулся купец. – Васаб сам когда-то был молодым! Ну, теперь твоя очередь...

– У нас врубай не сочиняют, – признался Трикс. – У нас всякие другие стихи...

Охранники и племянник, заметив, что угроза прослушивания врубай миновала, приблизились.

– И какие же стихи? – заинтересовался Васаб.

– Ну... к примеру, хламерики. Купец удивленно приподнял густые брови. – Это когда всякую ерунду рифмуют, – пояснил Трикс. – Но смешно! Вот, послушай...

Некий маг, проживавший в Дилоне,
Колдовал себе мясо в бульоне.
Съев похлебку, чудак,
Не наелся никак,
Глупый маг, проживавший в Дилоне.

– Кажется, улавливаю идею, – кивнул Васаб.

– Вот еще, – сказал ободренный Трикс:

Был рыцарь в бою отважный,
Но только здоровьем неважный.
Меч поднял – и хлоп,
Отправился в гроб,
Хотя был в бою отважный!

Васаб вежливо посмеялся. Потом сказал:

– Кажется, я уловил основную идею. Рифмуются первая, вторая и пятая строфа... Первая и пятая частично повторяются... В первой надо описать, кто и где находился, затем – что произошло. Хм... Прими же ответный дар, уважаемый Трикс! Трикс приготовился слушать.

В траве жил веселый кузнечик,
Зелененький, как огуречик.
Лягушка пришла,
Поживу нашла —
И съеден веселый кузнечик...

– Хорошо, – признал Трикс. – Но грустно немного! Хламерик-то получился детский, малыши будут плакать.

– Ничего-ничего, – кивнул Васаб, оглаживая бороду. – Дети тоже должны понимать, что все не вечно под луной. К тому же дети жестоки по своей природе, не сглаженной воспитанием. Ну кто из нас в детстве не давил муравьев?

Трикс печально кивнул.

– Кто не бросал камнями в бродячую собаку?

Трикс задумался.

– Кто не привязывал колокольчик к хвосту пойманного шакала? Кто не подсовывал птице в гнездо вместо яиц гладкие округлые камешки? Кто не кидал скорпионов в прозрачный сосуд, чтобы они дрались насмерть?

– Я так не делал, – в ужасе сказал Трикс, чьи детские жестокости ограничились разоренным муравейником (за который его немилосердно выдрал со-герцогский лесничий – с разрешения родителей, между прочим).

– Ну... бывают люди благородные от самого рождения, – смутился Васаб.

Некоторое время ехали молча. Начинало припекать. Верблюды шли все так же неторопливо и размеренно. Трикс печально подумал, что если бы верблюды могли бежать со скоростью скакового коня, то путь к Дахриану занял бы гораздо меньше времени. Впрочем, кто сказал, что они не могут? Просто не хотят!

– Маг я или не маг? – спросил себя шепотом Трикс. – Буду ли я ждать милостей от природы или возьму их силой?

– А? – встрепнулся задремавший Васаб.

– Хотел бы ты попасть в Дахриан уже сегодня? – спросил Трикс небрежно.

Глаза купца загорелись.

– Хотел бы я искупаться в прохладном бассейне во дворе своего дома? Хотел бы поесть вкусный плов? Хотел бы лечь спать с любимой младшей женой?

– То есть ответ положительный, – кивнул Трикс. – Что ж... посмотрим, что можно сделать!

– О! – обрадовался купец. – Колдовство! Настоящее северное колдовство! Я весь внимание, друг мой!

– Неторопливо и размеренно идут верблюды по жарким пескам пустыни, – начал Трикс. Иногда вдохновение посещало его сразу, но порой требовалось начать заклинание именно так – обыденно и спокойно.

– Позволю себе заметить, – вставил Васаб, – что песок пока вовсе не жаркий. Он, конечно, уже нагрелся на солнце, но с его дневной температурой нет никакого сравнения.

– Неторопливо и размеренно идут верблюды по теплomu песку пустыни, – поправился Трикс. – На первый взгляд кажется, что верблюд – животное неуклюжее и к быстрому бегу неспособное...

– Кхе-кхе, – вежливо кашлянул один из охранников. – Это заблуждение. Только вы, северяне, считаете верблюда медленным животным. Да будет тебе известно, молодой маг, что скаковой верблюд легко обгоняет лошадь!

– Совершенно верно! – подхватил купец. – На последней гонке «Дахриан», что проводится по велению Великого Визиря и Маркеля вот уже больше тридцати лет, личный верблюд Великого Визиря опередил всех лошадей и пришел первым с отрывом в полтора суток!

Трикс помолчал, собираясь с мыслями.

– Неторопливо и размеренно идут верблюды по теплomu песку пустыни. Только северяне считают верблюда животным неуклюжим и к быстрому бегу неспособным...

Самаршанцы одобрително закивали.

– На самом же деле верблюд лучше всех животных приспособлен к жизни в песках... – Триксу совсем не нравилась эта фраза, но он надеялся, что сейчас разойдется и волшебство получится.

– Верблюд, конечно, в пустыне себя хорошо чувствует, – внезапно вставил реплику племянник Васаба. – Но скорпион к пустыне еще лучше приспособлен!

– Скорпион – не животное! – воскликнул уязвленный Трикс.

– А кто тогда?

– Насекомое!

– А насекомые – не животные, что ли? – ехидно спросил племянник.

– Допустим, Трикс имеет в виду высших животных, – примирительно сказал Васаб. – Но все-таки тогда я бы сделал ставку на фенека.

– На кого? – спросил Трикс безнадежно.

– На фенека. Лисичка такая, махонькая. Воду может вообще не пить – слопаёт улитку какую-нибудь, травку пожует – ей и хватает. Она совсем не потеет. Еще уши у нее очень большие!

– При чем тут уши? – воскликнул Трикс.

– Как при чем? Чтобы не жарко было.

Трикс помолчал, а потом сказал:

– Кажется, я понял, почему у вас магия менее развита.

– Почему? – спросил Васаб с интересом.

Трикс не ответил. Помедлил с полминуты – самаршанцы тоже хранили молчание.

– Я попрошу вас не комментировать мои заклинания, – сказал он наконец с достоинством. – Внимательно слушайте – и тогда мы доберемся до Дахриана очень быстро.

Самаршанцы закивали.

– Нет ничего утомительнее в путешествии, чем последние дни на пути домой, – сказал Трикс. – Все приключения уже случились, все покупки сделаны, все истории рассказаны. Самое время людям увидеть родных и близких, а верблюдам – вволю напиться и наестся. Холодная, чистая, прозрачная вода... Горячий, ароматный, рассыпчатый плов... Сочная, сладкая, вкусная трава...

Верблюд Трикса повернул голову и с подозрением посмотрел на седока. Трикс продолжил, ободренный:

– Все это совсем рядом – в славном городе Дахриане. Совсем рядом! Только надо двигаться быстрее! Быстрее и еще быстрее! Мысль об этом подхлестывает верблюдов сильнее, чем палка. Быстрее! Ускоряется шаг! Никто и не думал, что верблюды могут бежать так быстро и так долго – бежать, не устывая, до самого дома уважаемого купца Куркума Васаба!

Верблюды и впрямь ускорили шаг. Можно даже было сказать, что они бежали.

– Ишь ты! Как думаешь, – сказал один охранник другому, – добегут они сегодня до высохшей реки?

– Добегут, – отвечал другой.

– А до Дахриана-то, я думаю, не добегут.

– Думаю, не добегут, – согласился охранник.

Как ни странно, но эти простые слова необразованных самаршанских головорезов оказали на Трикса совершенно неожиданный эффект. Будто повеяло на него чем-то нездешним, необычным, каким-то чудом занесенным в пустынные земли. И могучий маг из неизмеримого далека стал нашептывать слова неслыханного заклинания.

– Эх, караван! – воскликнул Трикс. – Караван верблюжий, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты мог только родиться, в той земле, что не любит шутить, а голой пустыней разметнулась на полсвета, да и ступай считать дюны! И не хитрый, кажись, зверь верблюд, не на крыльях чешуйчатых несется, а несоро ступает мозолистыми ногами. Не в дилонских кружевах всадник: борода да бурнус, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затащил врубайю – верблюды вихрем, ноги смешались в один гладкий круг, только дрогнула тропа, да пискнул в испуге остановившийся фенек – и вон они понеслись, понеслись, понеслись!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух. Дымом дымится под тобою песок, гремят барханы, все отстает и остается позади. Остановился пораженный волшебством созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? И что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом верблюдах? Эх, верблюды, верблюды, что за верблюды! Вихри ли сидят в ваших горбах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую врубайю, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув ногами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху... У-у-у-у... А-а-а-а-а!

Все смешалось. Ветер ударил в лицо – и Трикс пригнулся, прячась между горбами. Встали слева и справа столбы пыли, заплясали дюны, отстали и затерялись далеко позади вопли самаршанцев – хотя Трикс отчетливо видел, что они несутся рядом, не отрываясь. Синее свечение, знакомое каждому магу, окутало верблюдов – так всегда происходило, когда мощь заклинания превышала дарованные природой возможности и надо было голыми руками порвать железо... или, к примеру, в беге обогнать ветер. С удивительной ясностью Трикс увидел, как в стороне от них, там, где вроде как и не ступала нога верблюда, разлетелся в стороны песок и рушились дюны. Вот проносятся мимо древние руины... чу! миг один – и не стало руин, то не промчались мимо них вдаль быстроногие медногрудые корабли пустыни, то рассыпались

в прах древние камни, простоявшие тысячи лет... Верблюды, верблюды, да кто ж вас такими выдумал, дай ответ? Не дают ответа! Только бегут, бегут и бегут вперед...

Трикс, вслушиваясь в свои мысли, с ужасом понял, что заклинание было настолько сильным, что до сих пор слегка сидит у него в голове. Раньше о таком ему доводилось только слышать.

Васаб, чей верблюд поравнялся с верблюдом Трикса, махал руками и что-то вопил. Слов Трикс не разобрал, но жесты были выразительны и он посмотрел вперед.

Пустыня исчезала. Вместо нее теперь тянулись земли хоть и засушливые, но изрезанные арыками и покрытые злаками, на полях мелькали человеческие фигурки и строения. Они приближались к Дахриану!

– Постойте, верблюды! – завопил Трикс. – Умерьте свой бег, перейдите на шаг! Одумайтесь – куда вы бежите? Стоит ли мчаться, не разбирая дороги, пугая встречных – без цели, без разума, одного только движения ради! Есть время мчаться, но есть время и выбрать дорогу!

– Ай, останови их, смарагд моего сердца! – донесся до Трикса горестный голос Васаба. – Останови... останови... о, величайший из волшебников, зачем только ты снизошел до моей просьбы... А?

Верблюды стояли посреди поля. Вдали, закрывая головы руками, лежали, стараясь вжаться в землю, крестьяне. За верблюдами тянулась глубокая, в половину человеческого роста глубиной, борозда, похоже – уходящая за горизонт. Впрочем, точно сказать было нельзя, поскольку горизонт скрывало облако пыли. Сама борозда слегка дымилась.

– Меня посадят в тюрьму, – горестно сказал Васаб.

– Почему? – изумился Трикс.

– Мы потоптали посевы. Наш мудрый Великий Визирь не любит, когда кто-то обижает дехкан. О... мне конец.

К ним уже направлялись местные жители. Группу сжимавший кетмени дехкан, чьи лица не выражали ничего хорошего, возглавлял богато одетый человек в чалме и расшитом золотом халате. И что самое неприятное – вслед за ними спешил десяток воинов, вооруженных кривыми саблями и облаченных в знаменитые самаршанские доспехи.

– Это большой человек... – простонал Васаб. – Это как минимум второй помощник смотрителя за северными полями. Его власти хватит, чтобы нас закопали по пояс прямо на этом месте!

– Ну, по пояс – это еще не очень страшно, – попытался утешить его Трикс.

– Ты думаешь? – изумился Васаб. – Все дело в том, какой половиной ты при этом находишься в земле!

Трикс сглотнул появившийся в горле комок.

– О презренный купец с жалкими слугами и подозрительным безусым чужеземцем! – рявкнул приблизившийся человек в раззолоченном халате. – Что ты натворил, каким отвратительным колдовством и зачем? Я, Сад ар Тамак, первый помощник смотрителя северных полей, именем Великого Визиря Аблухая требую дать ответ!

– Первый помощник... закопают по колено... – едва слышно пробормотал Васаб. От страха он явно не знал, что и ответить.

В этот момент Трикс услышал доносящееся снизу журчание. Конечно, в данной ситуации оно могло быть вызвано разными, в том числе и очень постыдными причинами, но опустив глаза, он увидел, как в проложенную верблюдами борозду натекает вода из разрушенных арыков. Меланхоличные верблюды, которых никто закапывать в землю не собирался, опустили головы и принялись пить.

– О, Сад ар Тамак, мудрый первый помощник смотрителя северных полей Великого Визиря Аблухая, да будут его сады плодоносны, слуги учтивы, а верблюды быстроходны! – воскликнул Трикс. Он уже оценил преимущество самаршанской учтивости, дававшей время

собраться с мыслями. Сад ар Тамак подозрительно уставился на него. – Я – Трикс Солье, великий маг, подданный могучего короля Маркеля Веселого, прибывший к вам с делом величайшей важности!

К сожалению, полного эффекта его слова не возымели.

– Значит, тебя вкапывать в землю нельзя, – сказал Сад ар Тамак. Васаб при этих словах побелел.

– О, мудрый Сад ар Тамак! – продолжил Трикс. – Выслушай меня, прежде чем принять решение!

– А я чем занимаюсь? – очень невежливо ответил самаршанец. Крестьяне тем временем взялись за кетмени и принялись рыть в стороне четыре узкие глубокие ямы.

– Жаркое дыхание пустыни сушит эти... э... щедрые поля, – сказал Трикс. – Потому я решил начать свое появление в Дахриане с щедрого дара простым труженикам!

– Какого дара? – ошеломился самаршанец. – С потоптанных посевов?

– С прекрасного, глубокого и широкого канала, который проходит через твои поля и уходит в пустыню. Труд тысяч и тысяч людей понадобился бы на то, чтобы вырыть такой канал! Сейчас его заполнит вода – и поля твои увеличатся!

Сад ар Тамак задумчиво осмотрел борозду. Подтянув халат, прыгнул в нее, прошелся, потрогал стенки. Удивленно сказал:

– Неслыханное чудо. Песок сплавился в твердую корку... такой канал просуществует десятки лет.

– Это мой дар самаршанским дехканам! – сказал Трикс.

Крестьяне, сообразив, что концепция изменилась, перестали рыть яму и тоже принялись осматривать борозду.

– Чего ты хочешь за свой дар, северный волшебник? – спросил, поразмыслив, Сад ар Тамак.

– Это же дар! – растерялся Трикс.

– Конечно! Никто и не предлагает тебе за него плату. Но если я не сделаю ответный подарок – я выкажу неучтивость.

– Проси золото... – повернув к Триксу голову, прошептал Васаб. К нему медленно возвращался прежний бронзовый цвет лица, из-за чего он сейчас был коричневым с белыми пятнами. Бороду, кстати, тоже слегка тронуло сединой.

Из-под мантии раздался тихий, придушенный голос феи:

– Проси полезных знакомств. На Востоке это самое важное!

– О, мудрый Сад ар Тамак! – Трикс поклонился, хотя, сидя на верблюде, все равно оставался куда выше первого помощника смотрителя северных полей. – Есть ли на свете радость большая, чем радость человеческого общения? Не мог бы ты познакомить меня с какими-нибудь уважаемыми людьми по твоему выбору?

– Твои слова мудры, – ничуть не удивившись, кивнул Сад ар Тамак. – Я подумаю, с кем тебе лучше свести знакомства. Где ты остановишься в Дахриане?

– У моего уважаемого друга, купца Васаба Куркума.

Сад ар Тамак с сомнением поглядел на приосанившегося купца.

– Хорошо... молодой маг Трикс Солье. Я нанесу вам визит этим вечером.

Дахриан был первым самаршанским городом, который увидел Трикс. Конечно, в королевстве были города, когда-то принадлежавшие Самаршану, но чаще всего правящие в них бароны в приступе верноподданнического патриотизма первым делом сносили все восточные постройки. Если барон по происхождению был самаршанцем, то он делал это с особым усердием.

Конечно, как любой город, желающий просуществовать больше десятка лет, Дахриан был окружен высокими крепостными стенами, вне которых селились только самые бедные жители. Но в отличие от привычных Триксу городов, особой разницы между домами внутри и снаружи стен не было – все они оказались невысокие, редко когда в два этажа, построенные не из камня или дерева, а из обожженной на солнце глины. Улочки ветвились и петляли без всякой системы и даже Васаб порой морщил лоб, выбирая дорогу. Каменные строения, принадлежавшие богачам, мистикам или многочисленным государственным чиновникам, окружали пышные зеленые сады. Лишь к самому центру города глинобитных хижин становилось все меньше, извилистые улочки выпрямлялись и расширялись, а здания начинали расти в высоту – могучими башнями и огромными куполами.

Впрочем, весь город был довольно-таки зеленым. Дахриан выстроили меж двух могучих рек, когда-то бессмысленно утекающих в пустыню. Теперь вся вода бережно собиралась и отправлялась на поля, но вначале протекала через город, мудро покрытый сетью каналов и канав – и выходила из города уже мутной, пахучей, но зато обогащенной ценными естественными удобрениями. В тени невысоких деревьев сидели на корточках старики, задумчиво жующие табак; непринужденно плескались в арыках дети; женщины тащили с базара покупки, а из колодцев воду; шествовали по своим важным делам уважаемые мужчины. Верблюдов в городе было немного, зато повсюду терпеливо шагали груженные ослики, дехкане катили тачки с плодами своих полей, а ремесленники, устроившись в тени с лотками, надрывно расхваливали товары.

Трикс от любопытства вертелся на спине верблюда, пытаясь разглядеть все сразу. Запахи его не особенно пугали, в городах королевства тоже пахло не розами, и даже во дворце Маркеля, зайдя в темный уголок, можно было ощутить застоялое амбре. Нищие тоже были делом обычным и повседневным.

Но в Самаршане все было как-то иначе – даже запахи и нищета. В запахе отдельной нотой витали сгнившие экзотические фрукты, оттеняя основную композицию мощной пряно-сладкой волной, смелый акцент вносили перец и другие пряности. Нищие, даже самые уродливые и грязные, тщательно ухаживали за бородами, почти у каждого в одежде имелось что-то из куда более роскошного гардероба – украшенные бисером туфли на ногах маленького бродяги, шитая серебряными и золотыми нитками чалма на голове старика в рваном халате, изящный браслет с бирюзой на трясущейся руке сумасшедшего мистика...

В общем, даже ужасное и кошмарное в Самаршане выглядело экзотично и празднично.

Трикс поначалу был уверен, что такой уважаемый купец, как Васаб Куркум, обитает где-то в центре Дахриана, в утопающем в садах дворце. Но к его удивлению маленький караван покрутился по городу и остановился у невысокого забора, за которым виднелось самое обычное глинобитное здание. Здесь Васаб, кряхтя и жалуясь на жизнь, расплатился с охранниками – те, оскалившись в подобие улыбки, похлопали купца по плечу, вежливо поклонились Триксу и уехали, прихватив своих сменных верблюдов. Оставшихся племянник Васаба уже загонял в маленький дворик.

– Будь гостем в моем доме! – торжественно сказал Васаб. – Возможно, он не так велик, как подобает великому магу... но уж что есть, то есть.

Вслед за верблюдами и Васабом Трикс прошел в калитку, которую Васаб тут же тщательно запер. Двор был небольшой. С одной стороны стоял жилой дом. С другой – стена, отделяющая от соседнего двора. С третьей – загон для верблюдов и маленькая летняя кухня с высокой глиняной печью. (Ну а если вам непонятно, что было с четвертой стороны – там был забор, отделяющий двор от улицы, и калитка, через которую вошел Трикс.)

– Ты вернулся, любимый! – позвякивая не слишком дорогими на вид, но зато многочисленными браслетами, кольцами и серьгами, навстречу Васабу кинулась дородная женщина лет сорока, в затрапезном ситцевом платье и тапочках на босу ногу. Обменявшись с мужем жар-

ким поцелуем, она с любопытством посмотрела на Трикса. Лицо ее просветлело. – Твои дела шли хорошо! Ты даже смог купить северного невольника!

– О, женщина, как ты можешь так говорить! – строя страшные гримасы, воскликнул Васаб. – Как можно спутать великого юного мага, любезно присоединившегося к нашему каравану в пустыне, с каким-то там никому не нужным рабом! Трикс, познакомься, это моя любимая младшая жена – Гулин!

Трикс вежливо поклонился женщине, но, не зная местных обычаев, не рискнул целовать ей руку.

– Прости глупую женщину. – Гулин потупила глаза. – Всем известна женская глупость... великий маг не станет на меня сердиться?

– Нет, нет, ничего... – смущенно ответил Трикс. – Счастлив познакомиться с любимейшей из жен достопочтенного Васаба...

Наступила неловкая пауза.

– Видишь ли, Трикс... – оглаживая бороду, сказал Васаб, – Гулин – моя любимейшая младшая жена. Но если честно, то она еще и единственная моя жена.

Трикс сразу расслабился – наличие сразу нескольких жен рядом с Васабом его заранее смущало.

– Любовь – это величайшая сила в природе! – стараясь говорить по-восточному пышно, сказал он. – Любящим людям не хочется делить друг друга с кем-то еще...

– Да при чем тут делить? – Гулин всплеснула руками. – Какая женщина в здравом уме откажется от второй жены для своего мужа? Не ей одной мыть посуду, готовить еду, следить за детьми... да и рожать их! Не так пусто и одиноко в доме, пока муж разъезжает с караваном – есть с кем поболтать, посплетничать, поскандальить! Но мы не настолько богаты, юный маг, чтобы позволить себе вторую жену!

– Гулин... – умоляюще произнес Васаб.

Его жена махнула рукой, от чего все ее браслеты звякнули, и удалилась в дом.

– Женщины... – грустно сказал Васаб.

– Но ты же ее очень любишь, – решил утешить Васаба Трикс.

– Люблю, – кивнул Васаб.

– Вон сколько украшений подарил...

– Это традиция, – вздохнул Васаб. – Если однажды я решу с ней расстаться, то могу выгнать в том, в чем она есть. Поэтому наши жены никогда не снимают украшений.

– Никогда-никогда? – поразился Трикс.

– Когда ты молод, и украшений на жене не так много, это даже романтично... – мечтательно сказал Васаб. – Но с течением времени... знал бы ты, как раздражает этот звон!

Он покачал головой и взял Трикса за руку.

– Идем, мой любезнейший гость, я покажу тебе твою комнату...

Комната показалась небольшой и скромной даже Триксу, привыкшему за последний год к простой жизни. Но все-таки в ней было окно, затянутое легкой кисеей, топчан с неожиданно мягким матрасом, набитым не то какой-то травой, не то шерстью, маленький столик и стул. Пока Трикс осматривался, девушка, которой явно не было и двадцати, принесла медный тазик и большой кувшин с водой. С любопытством посмотрела на Трикса, хихикнула и удалилась.

– Умывайся, отдыхай и приходи во двор – будем обедать, – сказал Васаб. – Тебе понравилась моя дочь?

Трикс смутился.

– Если надумаешь взять жену из Самаршана – не забудь про меня, – сразу же пояснил Васаб. – У меня две дочери, и обе еще свободны. Тарина – старшая. Прекрасно шьет бисером и готовит. А у младшей, Гюхрам, хороший голос и длинные косы.

– Я скажу... если что, – пробормотал Трикс. Девушка не показалась ему особенно привлекательной, была старше его, да к тому же он вообще не собирался пока жениться. Вряд ли Радион Щавель обрадуется, если ученик приведет в башню молодую жену.

– Подумай, подумай! – бодро сказал Васаб. И тут же воскликнул, воздев руки к потолку: – Кого я обманываю? О чем я говорю? Пройдет совсем немного дней – и все мы обручимся со смертью! Какие свадьбы? Какие жены?

– Все как-нибудь устроится, – пообещал Трикс, но купец лишь вздохнул и вышел.

– А он, похоже, и впрямь уверен, что война неизбежна, – сказала Аннет, выбираясь из-под мантии Трикса. – Плохо дело.

Трикс уселся на топчан и спросил:

– Что будем делать?

Аннет задумчиво порхала в воздухе. Потом сказала:

– Будь твои способности к магии столь же стабильны, как и велики, я бы предложила сойтись в поединке с Прозрачным Богом.

– Правда? – поразился Трикс.

– Да. У тебя иногда получаются прямо-таки великолепные заклинания. Но нечасто, к сожалению.

– С верблюдами здорово получилось? – понял Трикс.

– Да я чуть не кончилась со страху! – честно сказала фея. – Была уверена, что налетим на скалу или на крепостную стену... Ну да ладно. Живы – уже хорошо. Я слетаю на разведку, а ты бы помылся и переоделся. Осмотримся, там и решим, как поступить...

Трикс с сомнением осмотрел себя.

– От тебя пахнет потом, – пояснила фея. – И ладно бы твоим, но это верблужий пот...

Фея выпорхнула в окно, раздвинув кисею. Трикс вздохнул, понюхал рукав рубашки, пожал плечами. Разделся, встал в тазик, окатил себя водой. Привычка периодически мыться похвальна для благородного человека, но он же вчера купался в озере...

Однако в чем-то фея была права. Надев чистые штаны и рубаху, Трикс почувствовал себя совсем другим человеком. Он немного походил взад-вперед, опираясь на посох и стараясь выглядеть солидно. Потом почистил мантию.

В дверь постучали, Трикс открыл. Это уже была другая девушка, ровесница Трикса. Тоже смуглая, с двумя длинными черными косичками, пожалуй – посимпатичнее первой. Девушка начала с того, что хихикнула, потом молча взяла с пола грязную одежду, кувшин, тазик с водой и вышла, так и не сказав ни слова.

Трикс понял, что, несмотря на ожидание конца света, Васаб Куркум не теряет надежды выдать хоть одну из дочерей замуж за мага. Как хорошо, что их всего две!

И как жалко, что рядом нет Тианы...

Трикс вздохнул. После летних приключений он еще ни разу не видел юной княгини. А ведь как здорово было путешествовать вместе с ней! И каким надежным товарищем она оказалась в самых опасных передрягах! Триксу не хватало и Иена, который служил оруженосцем в каком-то дальнем гарнизоне, и маленького Халанбери, оставленного на попечение его родителей. Но больше всего, конечно, не хватало Тианы...

А еще Трикса тревожило, что нет никаких вестей от Щавеля. Допустим, маг не мог просто так взять и телепортироваться к Триксу – ведь для этого надо хорошо представлять, где он сейчас находится, желательно даже побывать в этом месте. Но послать-то ему весточку волшебник мог! С какойнибудь птицей, с вызванным колдовством ветром... ну, мало ли что может придумать опытный маг! Щавель наверняка уже вернулся домой, прочитал его записку и...

Неужели он так обиделся, что даже слышать не хочет о своем ученике?

Но ведь у Трикса не было иного выхода. Он должен был выполнить долг чести вместо учителя!

– Тук-тук! – произнесла, влетая в окно, фея. Слегка запуталась в кисее, небрежно взмахнула рукой – и кисея сама разошлась в стороны. – Помылся? О, совсем другое дело... Ах, какой чудесный город Дахриан...

– Ты, я вижу, уже поела, – мрачно сказал Трикс.

– Самую капельку! – Аннет прижала руки к груди. – Ну не сердись, милый... я посплю полчаса и все будет в порядке...

Трикс вздохнул. Фея, на его взгляд, слишком часто питалась неправильной пылью. Но ведь в этом была целиком его вина!

В общем, когда Васаб лично зашел за Триксом и позвал его к обеду, тот покинул дремлющую Аннет со смешанным чувством облегчения и вины. Мантию он надевать не стал, но посох для важности прихватил с собой.

Обед был, как и положено на юге, совсем легким – фрукты, чай и сладости. Стол накрыли во дворике, под увитой виноградом решетчатой крышей, прикрывавшей от палящего солнца. С одного торца стола сидели Васаб, Трикс – по его правую руку, и племянник – по левую. С другого торца – младшая и единственная жена Гулин. По правую сторону размещались трое сыновей Васаба – двое совсем мелких, один чуть младше Трикса. По левую – дочери. Во всем чувствовалась некая торжественность, хотя основные празднества по поводу возвращения хозяина дома и намечались на вечер.

– Ах, как приятно вновь оказаться дома! – воскликнул Васаб, окидывая семью любящим взглядом. – Два месяца был я в пути, два месяца сражался с врагами и торговал с иноземными купцами...

Далее началось перечисление подвигов, одержанных Васабом в пути. Трикс вначале слушал с большим интересом – оказалось, что по пути в королевство Васаб и его охранники одержали верх над бандой разбойников, устроили и прогнали кровожадного грифона, в лесу отбили нападение эльфов, да так здорово, что те решили откупиться от них шелком из паутины и целебными эликсирами... Все это было так увлекательно, будто в летописи для детей.

Но потом Васаб принялся описывать, как в оазисе он встретил Трикса, сражающегося с драконами, пришел ему на помощь и они вместе вынудили кровожадных драконов улететь. Тут Триксу стало ясно, что фантазия нужна купцу не только на базаре, когда он расхваливает свой товар, но и дома, чтобы заслужить уважение близких. Он заскучал и принялся пощипывать мелкий, но очень сладкий виноград. Сидящий рядом с Триксом черноглазый парнишка робко спросил разрешения потрогать магический посох – Трикс великодушно разрешил. Сын Васаба коснулся посоха мизинцем и надулся от гордости. Младшие братья смотрели на него разинув рты, в немом восхищении.

– Ну а что случилось у вас? – спросил наконец-то купец.

– О любимый мой муж, разве наши новости сравнятся с твоими? – вежливо ответила Гулин. – Через неделю, как ты уехал, завалилась стена верблюжьего загона – ну, помнишь, где твой рыжий лягнул год назад? Я еще все просила починить... Пришлось чинить, но за две недели мы с этим справились. Потом младший твой сын стал маяться животом – целую неделю! Хорошо, что лекарь согласился лечить его в долг... Потом на базаре меняла хотел меня обмануть, но я поймала его за руку и он с перепугу выдал мне в два раза больше денег, чем был должен. Ну а третьего дня, точнее – ночи, к нам забралась та шайка, что вот уже год промышляет в квартале. Но я услышала, как они возятся с сундуками. Мы с девочками взяли сковородки и медные пестики, подкрались к ним в темноте и отдубасили так, что лишь один убежал – а двоих мы связали и отвели к кади. Один откупился, отдал свой дом, верблюдов и все деньги, его отпустили. Другой надерзил кади и его отправили на соляные болота.

– Так и надо мерзавцу! – одобрительно сказал Васаб. – Ну и тому, что на болотах, тоже не сладко придется... А что в городе?

– Великий Визирь, да снизойдет на нас его спокойствие и уверенность, сказал, что никакой опасности от Алхазаба не ждет, и если будут беспорядки – наша верная стража живо их пресечет. Вчера же под вечер со всех сторон света слетелись драконы и уселись за крепостными стенами, там, где раньше пасли овец.

– Раньше? – уточнил Васаб.

– Раньше, – кивнула жена. – Драконов много и они были голодные. Но пастухов драконы не тронули, только попугали чуть-чуть.

– В трудное время живем, – вздохнул Васаб. – Эх... но, может быть, великие волшебники наведут порядок?

Трикс промолчал, но постарался придать лицу сдержанноуверенное выражение.

Васаб снова вздохнул:

– Я, пожалуй, полежу немного. Устал с дороги. Не хочешь ли ты, Трикс, отдохнуть?

– Я? Да нет... – Трикс заколебался. – Я бы, пожалуй, посмотрел город...

– Карим! – Купец кивнул старшему сыну. – Будешь сопровождать северного мага в городе. Показывай ему все, что он захочет. Будь гостеприимным, как подобает воспитанному отроку!

Парнишка радостно закивал. Братья с завистью смотрели на него.

– Ты не будешь против, если тебя проводит в город мой сын? – уточнил Васаб у Трикса. – Говоря откровенно, это положено было бы сделать мне...

– Нет-нет! – запротестовал Трикс. – Никаких проблем. Карим мне все хорошо покажет, я уверен! Правда, Карим?

– О, друг моего отца, гость нашего дома...

– Не надо «о», – попросил Трикс. – И прочих условностей. Зови меня просто – великий маг.

– Великий маг, я покажу тебе наш чудесный город!

Парнишка кинулся в дом – переодеваться. Трикс подумал и тоже пошел в свою комнату – отнести посох. Ему показалось, что всем своим видом демонстрировать «я – маг!» будет не совсем правильно при первом знакомстве с городом.

4

В каждом городе есть места, где постоянно бывают местные жители. И есть другие места – куда они водят туристов, а сами никогда не заглядывают – хоть и гордятся этим местом.

Ну, к примеру, есть в вашем любимом городе знаменитая древняя пирамида, на которую когда-то каждое утро восходил жрец, одетый в одно лишь золоченое исподнее и дурным голосом просил солнышко взойти. Если жрецу казалось, что солнышко запаздывает, то к нему приводили прекрасную деву, которую он пинком отправлял вниз, в бездонный колодец. Если у жреца было плохое настроение, бессонница или он просто охрип – то прекрасные девы расходовались в огромных количествах... История грустная, но волнующая, пирамида старая, но красивая – неудивительно, что каждый гость города считает своим долгом прийти к пирамиде, а то и взобраться на нее, кряхтя и потея, после чего в его душе начинает просыпаться сочувствие к жрецу, совершавшему этот путь каждое утро. Но так то турист! А горожанин проживет в тени пирамиды всю жизнь, периодически думая «надо будет как-нибудь на нее взобраться».

И ваш любимый рынок, грязненький и вонюченький, где под прилавком мясника отдыхает в тени плешивый пес, а зеленщик периодически поплевывает на помидоры и потирает их грязным рукавом, чтобы блестели, никто из приезжих посещать не станет. Он пойдет на главный рынок, выстроенный по указу градоначальника на центральной площади, с мраморными колоннами и подземной стоянкой для телег. Там он купит все, что купил бы на маленьком рынке, но в два-три раза дороже и у продавцов одетых в красочные национальные костюмы.

Карим Куркум был мальчиком умным и воспитанным, поэтому он первым делом повел Трикса осматривать достопримечательности, предназначенные для приезжих: скалу, на которой когда-то тысячу лет назад султан Гурам, укушенный скорпионом, дал обет построить город, если не умрет от укуса; гробницу султана Гурама, прославленную замечательными барельефами и мозаикой; усыпальницы трех жен султана Гурама, известные тем, что никто уже не помнил, где какая жена была погребена; главный столичный рынок, с мраморными колоннами и подземной стоянкой для телег, по которому можно было ходить целый день и не обойти даже половины; квартал мистиков – в Самаршане они были кем-то средним между колдунами, алхимиками и жрецами, за что их искренне ненавидели и колдуны, и алхимики, и жрецы – обычно ни в чем не сходявшиеся во мнениях; дворец нынешнего султана Абнуваса, окруженный цветущими садами, куда простым людям разрешалось заходить три раза в год – в день рождения Абнуваса, в день рождения родоначальника династии Гурама и в день рождения Великого Визиря Аблухая; академию искусств и ремесел, находящуюся под покровительством Великого Визиря; ну и, наконец, появившуюся недавно достопримечательность – башню колдунов, заполненную засохшей грязью с соляных болот. Грязь уже почти всю вывезли (мудрый Визирь разрешил тем, кто добровольно вывозил из башни грязь, оставлять себе половину найденных в грязи ценностей – и от желающих поработать не было отбоя). Но уцелевшие дахрианские колдуны даже в очищенную башню возвращаться не хотели и потому уже выстроили рядом новую башню – еще более высокую и роскошную, из мрамора, оникса и малахита – разумеется, наколдованных, а не настоящих. Неподалеку от башни Трикс с Каримом и присели отдохнуть на каменной скамье, купив себе у лоточника по куску сладкого чик-чака – печенья в меду и чашке свежего финикового чая. Места здесь были людные, несмотря на дневную жару – мальчишки, которым жара нипочем, обожали слоняться поблизости от колдунов. Иногда от тех перепадали мелкие поручения, ходили слухи, что некоторых счастливиц колдуны брали в ученики, и уж точно был шанс понаблюдать за каким-нибудь красивым волшебством.

– Вот бы я был колдуном! – мечтательно сказал Карим, разглядывая сияющую на солнце башню. – Я бы выстроил себе такой дворец!

– Не получилось бы, – покачал головой Трикс. – Это мелкие вещи хоть сто лет прослужат, если их хорошо придумать. А вот наколдовать что-то очень большое можно, но без притока свежей магии оно развалится.

– Но башня-то не валится!

– Так в ней же постоянно колдуны собираются, целыми толпами. Думаешь, почему волшебники не любят надолго покидать свои башни? Вернешься, а там уже ничего нет.

Карим был явно расстроен. А Трикс, поедая печенье, пояснял:

– У магии много ограничений. Если какую-то вещь создаешь, то она должна быть из того материала, что у тебя есть под рукой. Надо хорошо представлять то, что хочешь сделать – я однажды хотел девчонке одной платье сделать... ну, получилось не очень.

– А можно наколдовать такого печенья? – Карим облизнул липкие от меда пальцы.

– Можно, – кивнул Трикс. – Только ты им не наешься.

– Ну и что? Наестся я могу похлебкой из чечевицы. А сладости – они для вкуса.

Трикс задумался.

– То есть тебе не важно, что эта еда впрок не пойдет?

Карим рассмеялся:

– Мой папа иногда хочет кусок халвы съесть, а мама ему говорит: «Ты не влезешь в новые штаны!» Думаешь, он не обрадовался бы халве, от которой ничуть не толстеешь?

Трикс даже привстал – так ошеломили его новые горизонты. Никто из магов не пытался наколдовать еду, ведь она не утоляет голод. Но если задуматься... это бедные едят, чтобы жить, а богатые, наоборот, живут, чтобы есть!

Тут, конечно, были свои трудности. Наверняка придумать заклинание, создающее вкусное блюдо, не так-то легко. И уж точно заклинание быстро изнашивается, надо будет создавать новое...

Но все же это открывало удивительные возможности!

– Спасибо тебе, Карим, – сказал Трикс. – У меня перспективы появились...

Карим, так и не сообразивший, что он открыл новое направление магии – диетическое, удивленно заморгал. Трикс решил даже объяснить ему, в чем дело, но, бросив случайный взгляд на прохожих, съежился и отвернулся в сторону.

И это было неудивительно. Мимо бездельничающих подростков и спешащих по делам взрослых шли три человека. Двух Триксу следовало бы ожидать здесь увидеть, ибо удивительные законы приключений никогда не позволят разминуться старым врагам, оказавшимся в одном городе. Это были бывший со-герцог Сатор Гриз и его сын Дэрик. Они были одеты в самаршанскую одежду – широкие шаровары, просторные белые рубахи и маленькие круглые шапочки, лица их потемнели от жаркого солнца, сами они исхудали от невзгод. Но это были они, несомненно!

Пожалуй, эта неприятная встреча уже сама по себе могла испортить Триксу настроение. Но в довершение всего у Гризов был спутник.

А спутника этого, облаченного, несмотря на жару, в сверкающие латы черного металла, с закрывающим лицо шлемом и огромным мечом на поясе, Трикс последний раз видел, когда тот падал за борт собственного корабля! Белокнижник, рыцарь-маг Гавар, из рук которого Трикс вырвал княгиню Тиану и тем расстроил все планы витамантов придать видимость законности своему вторжению в королевство!

– Карим, там идут мои враги, – пробормотал Трикс. – Если они меня увидят – будет беда!

Карим немедленно пересел, заслоняя Трикса, и с самым невинным видом уставился на чужаков. То ли они были увлечены разговором, то ли никак не ожидали увидеть среди самаршанских мальчишек своего заклятого врага, то ли Карим удачно его заслонил – но Гризы и Гавар прошли мимо. До Трикса донесся обрывок их разговора:

– ...не может быть. Эвикейт – повелитель жизни и смерти, он сильнее любого мага! – говорил Сатор. И помимо понятной по отношению к предводителю витамантов подобострастности, в его голосе слышалась и вполне искренняя убежденность.

– Нет магов, равных Эвикейту, – холодным голосом отвечал Гавар. – Но Прозрачный Бог – больше, чем маг.

– Не хочешь же ты сказать, почтенный Гавар, что он – ха-ха – и в самом деле бог? – с легкой вежливой иронией спросил Сатор.

– Не хочу, – кивнул Гавар. – Но приходится...

Он вдруг остановился с легким металлическим скрежетом. Застыл с поднятой в шаг ногой. Воскликнул:

– Проклятый мальчишка! Это проклятый мальчишка!

Трикс, подглядывающий за ними краем глаза, оцепенел от ужаса.

– Трикс? – спросил Сатор понимающе. – А с чего ты его вспомнил?

Проклятый мальчишка, начисто позабыв, что он могучий маг, однажды победивший Гавара в поединке, приготовился дать деру.

– Колено! – простонал Гавар. – Стукни мне по колену! Броня проржавела, сустав плохо гнется...

– Понимаю, – сказал Сатор и с явным удовольствием засадил по колену Гавара носком сапога. Нога витаманта со скрипом согнулась.

– Если бы ты знал, как грустно и одиноко было мне брести по дну океана! – удаляясь, рассказывал Гавар. – Ил... водоросли... затонувшие корабли... кракены... А хуже всего – креветки! Они сидели на мне целыми стадами! Я ненавижу креветок!

«Зато креветки любят тухлое мясо», – злорадно подумал расслабившийся Трикс.

Его враги дошли до башни самаршанских колдунов и Гавар постучал в дверь бронированной рукавицей. Дверь плавно открылась – похоже, их ждали...

– Пронесло... – пробормотал Трикс. – Спасибо, Карим. Понял, как они меня ненавидят?

– Откуда же я пойму? – удивился Карим. – Я по-вашему не разговариваю, умею только считать до десяти и знаю несколько слов. «Хороший пэрсик, сладкий-сладкий!», «Чудный элексир, будешь как малчик савсем!» и «Эй, красавица, суда ходы, у меня самый лучший пудра!»

Трикс непонимающе уставился на Карима.

– Как это – не разговариваешь? Мы же с тобой разговариваем!

– Так это ты по-нашему говоришь! – убежденно сказал Карим.

– Я никогда не учился самаршанскому, – признался Трикс.

– Может, ты гений, о великий волшебник? – предположил Карим.

– Ну... – смутился Трикс. – Я, конечно, неглупый... да. Но только не по языкам. По языкам я не очень гений.

Карим вдруг засмеялся:

– Великий волшебник, мне все понятно! Ведь ты разговаривал с драконами!

– Ну и что?

– Драконы – могучие волшебники. Но сами они очень слабы в языках. Поэтому драконы не учат чужие языки, а волшебством заставляют понимать язык своих собеседников. Дракон говорил с тобой по-самаршански?

Трикс пожал плечами.

– По-самаршански, – уверенно сказал Карим. – У них вроде бы есть и свой язык, но при людях они на нем редко разговаривают и никого ему не учат. Драконы и научили тебя самаршанскому.

– Могли бы и предупредить, – пробормотал Трикс. Его и раньше немного удивляло, что он понимает всех окружающих. Ладно, Куркум Васаб – он торговец и знает языки. Но с чего бы

простые охранники, жена Васаба и все остальные в совершенстве знали язык королевства? – Пойдем отсюда, Карим. Вдруг мои враги быстро выйдут...

– А ты их сожги волшебным огнем! – предложил Карим. – Они чужестранцы, никто против не будет. Великий Визирь говорит, что если один чужестранец убивает другого – то это их личное дело.

– Нет, Карим, – вздохнул Трикс. – Убивать я их не хочу. К тому же один из них и без того мертв...

У Карима от страха расширились глаза и он поспешно вскочил.

– Пошли, великий волшебник! Я мертвецов... не люблю.

Они быстрым шагом двинулись прочь. Триксу, конечно, очень хотелось узнать, что делает Гавар в башне колдунов и зачем вообще явился в Самаршан. Но идти вслед за витамином в башню казалось не самой лучшей идеей.

– Теперь домой, да? – огорченно сказал Карим, когда они удалились на приличное расстояние.

– Да нет, давай еще что-нибудь посмотрим, – предложил Трикс. – Вон в том здании что?

Впереди и впрямь было красивое здание из розового песчаника – приземистое, но с довольно изящной колоннадой и покрытыми барельефами стенами. Резьба изображала в большинстве своем военные сцены, а также отважных воинов, ведущих нескончаемые вереницы пленных и бесконечные подводы с трофеями. В здание то и дело входили и выходили обратно люди.

– Это... ну... – Карим вдруг смутился. – Как сказать...

– Музей?

– Не совсем. – Карим от огорчения опустил голову и неловко затоптался в пыли босыми ногами. – Это рынок такой.

– Так пошли зайдем на рынок! – сказал Трикс.

– Это рынок рабов, – тихо ответил Карим. – Не надо тебе туда ходить.

– Почему? – возмутился Трикс. – Что, меня могут принять за раба?

– Нет, – вздохнул Карим. – Я ведь с тобой, я всем объясню, что ты не раб, а уважаемый гость... Но там могут продавать рабов, понимаешь?

– Странно было бы, если бы там продавали персики, – все еще не мог понять Трикс.

– Там... твоих продавать могут. Из королевства. – Карим сказал это едва слышно и пристыженно замолчал.

Трикс остолбенел. Он, конечно, помнил слова Васаба про рынок рабов. И вообще знал, что в Самаршане рабство в ходу, тогда как в королевстве оно было отменено еще дедом нынешнего короля, Маркелем Бережливым, а окончательно искоренено его отцом, Маркелем Великодушным. Некоторые старики-крестьяне, впрочем, до сих пор вздыхали и говорили, что во времена рабства благородные господа куда лучше относились к простому люду и ценили его – ведь к своему имуществу всегда относишься бережнее. Но вот как раз старики из благородных господ хоть и тосковали по добрым старым традициям, но честно признавались – со свободного человека всегда можно содрать две, а то и три шкуры, а с раба – всего одну.

– Рабство отвратительно по своей сути, аморально по своей жестокости и неэффективно экономически! – твердо сказал Трикс.

– Совершенно согласен! – поддержал его Карим. – Так мы не пойдем туда?

Трикс, плотно сжав губы, посмотрел на розовое здание. Оно уже не казалось ему таким симпатичным.

– Почему же, – мрачно сказал он. – Наоборот, мы туда немедленно отправимся!

Карим, вздыхая, двинулся за Триксом. Миновав двух суровых охранников у входа, они вошли в просторный зал, где пахло потом и благовониями. Повсюду были расставлены деревянные подмостки, на которых стояли бедно одетые люди. Покупатели прохаживались вокруг.

Насколько Трикс увидел с первого взгляда, и продавцы, и покупатели были в большинстве своем самаршанцами. Лишь на одном помосте уныло стоял высокий коротко стриженный чернокожий мужчина.

– Я думал, что рабы – не самаршанцы, – сказал Трикс.

Стоящий поблизости мускулистый крепкий самаршанец с улыбкой посмотрел на Трикса:

– Так раньше было. А сейчас мы воюем мало, поэтому Самаршан опирается на внутренние ресурсы.

– Все равно нехорошо! – укоризненно сказал ему Трикс.

– А что делать? – вздохнул самаршанец. – Не хочешь купить крепкого смышленного раба?

В еде неприхотлив, обучен воинскому делу, знает сельское хозяйство, красноречив...

– Как вам не стыдно продавать человека! – не выдержал Трикс.

– Жена есть хочет, сын женится – надо калым за невесту платить, – обиделся мужчина. –

Что мне еще остается, кроме как в рабы пойти?

– Так вы сами себя продаете?

– О алмаз догадливости! – воскликнул самаршанец. – О рубин сообразительности!

Конечно, себя.

Трикс смущенно отошел в сторону. Карим негромко пояснил:

– Такое часто бывает. Я вот тоже подумываю, если у отца дела плохо пойдут – в рабы подамся. Или в рабы, или в армию. Но в армии убить могут. Пойду в рабы к золотых дел мастеру – у меня глаз острый! Или в рабы к алхимику – там, конечно, взорваться можно, зато интересно!

– Это неправильно, – не уступал Трикс. – А если ты передумаешь быть рабом?

– Накоплю денег – и сам себя выкуплю, – не моргнув глазом, ответил Карим. – Вот скажи, куда у вас податься мальчику из не очень богатой семьи?

– В гильдию какую-нибудь, – уверенно сказал Трикс. – У нас лет в десять, а то и раньше, юноша идет в подмастерья. Его обучают ремеслу – ну, тоже лет десять. Еще лет десять он работает, чтобы заплатить за обучение. Потом может купить место в гильдии и сам стать мастером...

– Ну а в чем разница? – спросил Карим.

Трикс не нашелся что ответить, сердито засопел и двинулся дальше.

Торговля рабами шла не бойко. Большую часть толкающихся самаршанцев составляли как раз желающие продать себя в рабство. Солидные покупатели приценивались к более экзотическим лотам – чернокожему, которого взяли в плен на каких-то тропических островах, молодым девушкам из какого-то племени кочевников, которых продавал вождь племени – ссылаясь на падеж верблюдов и избыток девиц на выданье. Как пояснил Карим, купить рабыню – это самый дешевый способ жениться, поскольку собрать достойный калым, выкуп за невесту, под силу не каждому.

– По всякому делают, – авторитетно объяснял он. – Например, сговариваются родители – один отдает свою дочь за сына другого, а тот свою дочь за его сына. Или человек десять – двадцать так собираются и один калым по кругу передают, пока все не переженятся. Иногда и калыма-то нет совсем, только пустые сундуки...

– А почему не жениться без калыма, если все на это согласны? – поразился Трикс.

– Что ты! Это позор!

– Обманывать – не позор, а жениться без калыма – позор?

– Конечно! – Карим посмотрел на юного мага с недоумением. – Обманывать – это позор, только если обман откроется. Вот если я тебе продам за золотой королевский талер то, что стоит серебряный самаршанский динар. Это обман?

– Нет, это торговля, – признал Трикс.

– Но ведь если ты узнаешь, что мог сделать покупку в два раза дешевле, за динар, ты расстроишься? Поймешь, что тебя обманули?

– Наверное.

– Вот видишь – если обман раскрылся, то всем плохо. Ты переживаешь, что был дураком. Я переживаю, что я жадный обманщик. Все обижаются и грустят! А если обман не раскрылся, если ты доволен покупкой, а я деньгами – все довольны!

– Так неправильно, – сказал Трикс. – Получается, что обманывать – это хорошо!

– Иногда да, – усмехнулся Карим. – Вот я утащил у отца монетку и купил сладостей. Допустим! Если отец не заметил – все довольны. Если отец заметил – он расстроился, я три дня хожу и сесть не могу, соседи смеются – купца Васаба родной сын обманул!

– У нас все по-другому, – сказал Трикс, но поневоле задумался.

Рынок рабов ему уже наскучил. Здесь все оказалось вовсе не так ужасно, как он подозревал, но почему-то все равно было неприятно. К тому же и торговли особой не велось – все приценивались, спорили, обсуждали достоинства и недостатки товара, но вовсе не спешили расставаться с деньгами. В общем, все было как на обычном самаршанском базаре, где о цене на пару помидоров могут спорить целый час.

Только в самом дальнем углу рынка собралась небольшая толпа, горячо что-то обсуждающая. Трикс приблизился и неожиданно с содроганием услышал:

– Молодой раб из северного королевства! В хорошем состоянии, не битый. Светлая кожа. Эксклюзивная желтая окраска волос! Пробег небольшой, всю дорогу везли в телеге. Таможенные подати уплачены.

– Вот знал я, что не надо сюда ходить... – печально сказал Карим.

Трикс стал проталкиваться сквозь толпу. На него поглядывали с любопытством, но, видимо, уверенное поведение доказывало самаршанцам, что перед ними не раб.

А продавец, чем-то напоминающий Васаба купец, размахивая руками, всюю рекламировал свой товар:

– Пригоден для работы в поле, дома, в лавке. Умеет читать, писать и считать. Сражается мечом...

Увидев Трикса, он замолчал и вроде бы даже слегка смутился. Но через мгновение воспрял духом и радостно продолжил:

– Согласно древнему гуманному обычаю нашего народа, соплеменник обладает преимущественным правом покупки раба!

И сдвинувшись в сторону, вытащил из-за своей спины и выставил вперед раба.

– Иен? – воскликнул Трикс.

Тощий рыжий парнишка со здоровым фингалом под правым глазом поднял голову и часто заморгал. Потом недоверчиво спросил:

– Трикс?

Торговец воздел руки к потолку:

– О чудо! О радость! Братья встретились на чужбине! Один – впавший в беды и лишения, испытавший позор рабства и невзгоды чужой земли! Другой – свободный и богатый, праздным гостем посетивший наш великолепный Самаршан! Какая удивительная сцена, достойная поэта! Встреча через годы! Спасет ли брат брата?

– Да мы не... – начал было Трикс, но торговца несло. Размахивая руками, он хватал окружающих за плечи, будто это чем-то подтверждало его слова, и говорил, говорил, говорил...

– Рожденные в семье богатого северного купца от двух его любимых жен, с детства они играли и дружили. Но в поисках приключений один мальчик отправился в оруженосцы, второй же, помогая отцу, стал юным купцом и приехал в Самаршан. И что же он видит? Своего давно потерянного брата, взятого в плен на границе!

На глазах самаршанцев выступили слезы. Кто-то, расчувствовавшись, высморкался.

Трикс вдруг с ужасом почувствовал, как в голове его начинают тесниться какие-то безумные образы. Отец его – не настоящий, со-герцог Рат Солье, а толстый бородатый купец... Маленький рыжий мальчик с лицом Иена – они сидят у камина и играют фигурками рыцарей... Вот Иен уже постарше, и он ночью убегает из дома, разбудив Трикса и шепотом поведав, что хочет стать рыцарем... Вот сам Трикс помогает отцу торговать в лавке...

Губы Трикса шевельнулись и он против воли закричал:

– Иен! Родной братик! Узнаешь брата Трикса?

Он кинулся к Иену и заключил его в объятия.

– Узнаю! Узнаю брата Трикса! – завопил Иен, крепко обнимая Трикса.

Но тут Трикс заглянул в его глаза, ставшие совсем дурными. И до него дошло!

Купец, сам того не понимая, был колдуном. И сейчас, убеждая окружающих в своей фантазии, он начинал менять реальность! Еще чуть-чуть – и Трикс перестанет быть волшебником и сыном герцога, а станет сыном купца... ему даже вспомнился караван, который он привел в Дахриан... восемь верблюдов, второй охромел в пути, надо продать и купить нового...

– Я не сын купца! – рявкнул Трикс, отпихивая Иена. – И он не брат мне, а друг!

– Не сын купца? – удивился работорговец. – Кто же?

– Я маг! – воскликнул Трикс. Ах, как ему сейчас не хватало волшебного посоха, чтобы легко и без затей убедить всех в своей природе. – Я маг – и повинуюсь мне, трепещет сама природа! Я повергаю в пучины моря витаминтов! Я дружен с драконами!

– Хм, – кивнул работорговец. – Допустим. Полагаю, великий маг не беднее сына купца... и выкупит своего брата... друга?

Морок, туманящий голову Трикса, отступил.

– Разумеется, я не оставлю его в неволе, – гордо сказал Трикс. – Что ты хочешь за его свободу?

Работорговец облизнул губы:

– Триста динаров!

– Что? – ошарашен Трикс. Огляделся. Самаршанцы одобрительно кивали. – Цена... цена невольника двадцать динаров! Или двадцать пять! Ну... тридцать.

– У нас особый случай, – улыбнулся самаршанец.

– Какой еще особый? Ты... ты же сам умилился, что мы встретились!

– Конечно, умилился! – воскликнул работорговец. – Это как раз и есть особый случай, который резко повышает цену!

Он снова воззвал к окружающим:

– Скажите, что дороже – безымянный раб или соотечественник? А за кого отдашь больше – за простого соотечественника или за друга?

Все закивали.

– То есть будь он моим братом... – понял Трикс.

– Я бы попросил не меньше четырех сотен, – подтвердил самаршанец.

– Зря вы друг друга узнали, – вздохнул Карим.

– У меня нет столько денег, – растерянно сказал Трикс. Полез в карман, достал маленький кошелек. Открыл. – Пять... десять... у меня тринадцать королевских талеров. Это двадцать шесть динаров, так?

Работорговец пожал плечами.

– Ну ведь ты бы продал его за эти деньги! – возмутился Трикс. – Почему же просишь с меня больше?

– Никто не скажет, что я не ценю дружбу! – гордо ответил работорговец.

– А если я начну колдовать и поражаю... поражаю... – Трикс на миг задумался. – Да, именно поражаю! Поражаю тебя ужасным заклинанием?

– В центре Дахриана? В окружении сотни честных граждан? – Работорговец искренне удивился. – Считаю, что я уже поражен – твоей наивностью и безрассудством.

– Небось будь на моем месте Прозрачный Бог – ты бы отдал раба даром! – воскликнул Трикс.

Наступило ледяное молчание.

– Что ты так ругаешься? – спросил работорговец. – Что ты так угрожаешь? Нехорошо, мальчик. Я передумал. Четыреста динаров!

Послышались одобрителные голоса.

– И если ты сейчас думаешь, что позже найдешь на меня, честного купца, злое заклинание – эти люди свидетели! – добавил работорговец. – Они расскажут все Великому Визирю и тебя закопают в землю по самые пятки!

Иен, слушавший этот спор с надеждой на лице, понурил голову. Карим тихонько сказал Триксу:

– Мне очень жаль, великий волшебник...

– Значит, четыреста динаров? – спросил Трикс, помолчав.

– И ни дирхемом меньше!

Трикс молча расстегнул рубашку, снял с шеи шнурок, на котором висел золотой перстень с изумрудом. И протянул работорговцу.

У того заблестели глаза. Он долго изучал перстень, зачем-то тер камень послушавленным пальцем, смотрел его на свет, на пламя свечи (которую услужливо принес кто-то из толпы). Потом уставился на Трикса.

– Ну? – спросил Трикс.

– Это не стоит четыреста динаров, – сказал работорговец.

– Этот перстень мне подарил король Маркель Веселый, – сказал Трикс. – Он стоит двести талеров или четыреста динаров. И если ты сомневаешься в словах моего короля, то я, как верный подданный...

– Я не сомневаюсь, – быстро сказал самаршанец. – Но ведь камень надо продать, свой процент возьмет ювелир...

– Сколько? – уже зная ответ, спросил Трикс.

– Добавь тринадцать талеров – и мы в расчете! – улыбнулся работорговец.

Трикс молча протянул ему кошелек.

– О великая сила человеческих симпатий! – закричал купец. – Свершилось чудо! Друг спас жизнь друга! Забирай же этого никчемного раба, великий волшебник! И пойдем отметим нашу сделку в чайхане!

– Спасибо, что-то не хочется, – сказал Трикс. Взял растерянного Иена за руку и потащил к выходу. Вслед им неслись одобрителные возгласы, Трикса и Иена хлопали по плечам, обнимали, поздравляли, а самые сентиментальные самаршанцы даже пытались поцеловать. Кариму тоже доставалась своя порция уважения и признательности.

– Хорошо мы их всех повеселили, – мрачно сказал Трикс, когда они оказались на улице и двинулись прочь от рынка рабов. – Как бесчестно и отвратительно...

– Прости, великий волшебник, – сказал Карим. – Этот презренный торговец и впрямь поступил бесчестно.

– Даже ты признаешь? – обрадовался Трикс.

– Ну конечно. Камень стоил верных четыреста динаров, я его хорошо разглядел. А в качестве процента ювелир взял бы себе оправу. Так что тринадцать талеров, – огорченно вздохнул Карим, – с тебя содрали зря.

Трикс даже не стал ничего отвечать, только вздохнул. Остановился и строго посмотрел на Иена.

Тот виновато опустил глаза и затоптался на месте.

– Ну, здравствуй, боевой товарищ, – строго сказал Трикс. – Ты можешь мне объяснить, почему я встретил тебя на рынке рабов... и заплатил за тебя двести тринадцать талеров?

– Почему встретил – могу, – пробормотал Иен. – А почему заплатил – нет...

– Тогда рассказывай.

Иен вздохнул:

– Повелением нашего любимого короля, владыки...

– Рассказывай то, чего я не знаю, – попросил Трикс.

– Послал меня Маркель в рыцарское училище... – Иен шмыгнул носом. – Вначале как-то неловко было, вроде все вокруг благородные, а я так... кавалер серебряного весла на голубом фоне. Но потом подрался пару раз, барончику одному нос разбил, наследнику маркиза фингал под глазом поставил... Вроде как с конем и мечом у меня нормально получалось, даром что папаны был простой садовник. С ребятами сдружился. Да там и кроме меня таких хватало, с жалованным дворянством или бастардов. Ну... все себе придумывали, конечно, что они плоды буйной страсти Маркеля и благородной дамы, пожелавшей остаться неизвестной... или еще какую романтику. Кормили нас там хорошо, каждый день мясо! – В голосе Иена прорезалось неподдельное чувство. – И учителя хорошие, били редко, да разве это били, так, розгой по заднице вытянут пару раз, еще и извинялся: «Не с целью унижить благородного господина, а только чтобы добавить хоть каплю ума в его пустую голову!»

– В общем, тебе в рыцарском училище нравилось, – кивнул Трикс. Он понял, что другу необходимо выговориться, и больше его не торопил.

– По геральдике, генеалогии... – слово «генеалогия» Иену так и не покорилося, – и благородному поведению меня вообще в пример ставили. И по танцам хвалили. А незадолго перед Новым годом приехал к нам в училище благородный рыцарь сэр Гламор...

– Гламор? – поразился Трикс. – Я его знаю!

– Хороший дядька, – вздохнул Иен. – Пошел сразу к старому рыцарю Бандусу, что у нас самый главный в училище, и говорит: «Оруженосец мне нужен. Только рыжий, потому что я обет такой дал – рыжих брать в оруженосцы, дабы помочь им на нелегком жизненном пути. И чтобы рыжесть у него была настоящая!» У него, оказывается, беда случилась – оруженосец утоп, а нового он никак найти не мог. Просились всякие мальчишки, даже благородные...

Трикс решил умолчать, что среди этих благородных был и он сам.

– ...но все не рыжие. А потом пришел рыжий. И был он хорошим оруженосцем, только грязнуля, мыться не любил. Но однажды тоже бухнулся в реку...

– И утоп? – поразился Трикс. – Это уже какая-тостораживающая система... может, он маньяк, Гламор? Топит своих оруженосцев?

– Да не утоп! – отмахнулся Иен. – Выплыл и оказался блондином. Он, чтобы его в оруженосцы взяли, голову самаршанской хной покрасил. Ну, Гламор обмана не простил. Привез его в училище и говорит: «Оруженосец достойный, хоть и склонный к обману. Возможно, из него выйдет толк. А мне найдите оруженосца с настоящими рыжими волосами». Бандус вначале не хотел меня отпускать, говорит, у нас единственный рыжий на все училище, но мечом пока плоховато владеет... Но Гламор с ним выпил вина и уговорил. Отпустили меня к Гламору в оруженосцы, на обучение экстерном. Гламор пообещал лично меня научить и мечом махать, и на коне скакать.

– И как, научил?

– Научил. Он хороший рыцарь, правда. Мы даже два подвига совершили. Вначале спасли крестьян от банды разбойников. А потом на турнире повергли оземь трех рыцарей в один вечер.

– Ну, это не ты, допустим, а Гламор их поверг, – заметил Трикс.

– Зато я их оруженосцам плюх навешал! – гордо сказал Иен. – Так что и моя доля славы есть, как Гламор сказал: «Каждому свое, рыцарю – ристалище и благородный меч, оруженосцу – темная подворотня и мешочек, набитый песком...»

Трикс вздохнул. Чувство юмора сэра Гламора все-таки было слишком тонким для большинства его собеседников.

– И что дальше?

– А дальше мы поехали в гарнизон на самаршанской границе, сэр Гламор хотел при гарнизоне зиму провести. Все бы хорошо, только в день приезда кто-то увидел в горах дракона. Ну, Гламор обрадовался, и мы отправились с драконом биться. Был там дракон или нет – не знаю. А вот самаршанский караван через перевал шел. Гламор каравану еще больше обрадовался! Выехал вперед и заявил, что хочет досмотреть товары и проверить, уплачены ли пошлины.

– И? – устало спросил Трикс.

– Наверное, пошлины были неуплачены, – вздохнул Иен. – Охранники на нас накинулись. Мы давай с ними сражаться. Мы бы их точно победили, сэр Гламор в бою подобен свирепой буре! Но у самаршанцев был колдун. Он на нас напустил сонное заклинание. Я увернулся, а сэра Гламора сразило. Самаршанцы его попинали немного, но убивать не рискнули. Сказали, что если рыцаря убить, то из гарнизона точно погоню вслед отправят. Так что его спящего привязали к дереву, даже меч при нем оставили, и коня. А вот меня взяли в плен. Как законный трофей... – Иен вздохнул.

– Между прочим, – ехидно сказал Трикс, – ты теперь не оруженосец Гламора и не трофей. Ты мой раб. Захочу – велю тебя побить палками.

Иен вздохнул.

– Я подарок самого короля за тебя отдал! – сокрушался Трикс. – Я бы, может, этот перстень всю жизнь хранил, на пальце бы носил, когда совсем вырос. А теперь...

– За такую жадность купца судьба накажет, – сказал Иен. – Такое никому впрок не идет.

– Это у нас не идет, – скептически заметил Трикс. – В Самаршане, наверное, все иначе.

– А как ты здесь оказался?

– Долгая история, – туманно сказал Трикс. – Тут замешаны драконы и долг чести, страшный самаршанский колдун по прозвищу Прозрачный Бог и наши старые враги.

– Ух ты!

– Я остановился в доме местного купца... это, кстати, его сын Карим...

Иен и Карим без особого энтузиазма пожали друг другу руки. Карим явно изнывал от любопытства, но понять быстрый разговор Трикса и Иена не мог.

– Пока будем идти, я тебе расскажу, что случилось, – пообещал Трикс. – Ну, в общих чертах.

Появление второго иноземного мальчика вызвало в доме Васаба новый переполох. Выяснив, что Иен будущий рыцарь и принадлежит к благородному сословию (деталей Трикс решил не рассказывать), Васаб опять отрядил дочерей отнести Иену воду, таз и полотенце, а потом завел с умывшимся оруженосцем разговор на волнующую его тему – дозволено ли жениться рыцарям? А оруженосцам? Хорошо ли оплачивается работа рыцаря? Насколько она опасна?

Иен, подкрепляющийся остатками обеда, толково отвечал на вопросы.

Жениться рыцарям можно, но только совершив положенные подвиги во имя дамы сердца.

Оруженосцам вряд ли разрешат жениться, да и времени на это у них нет.

С деньгами у рыцарей то пусто, то густо. Если сразишь дракона, разгонишь банду разбойников или откопаешь охраняемый нежитью клад – то все найденное твое, за вычетом королевской доли. Еще на турнирах можно заработать. Но все-таки обычно с деньгами не очень,

тем более много денег уходит трактирщикам во время скитаний и кузнецам за ремонт доспехов после приключений.

Работа рыцаря считается одной из самых опасных в королевстве. Смертность в бою, конечно, ниже, чем у обычных стражников и солдат, путешествия опаснее для моряков, королевская немилость больше грозит царедворцам. Но зато рыцари страдают болезнями печени и желудка наравне с магами, пропуская на первое место только алхимиков...

В итоге Васаб вздохнул и оставил Иена в покое. История с рынком рабов тоже не вызвала у него осуждения, а лишь огорчила переплаченной суммой.

Меж тем во дворике полным ходом шли приготовления к вечернему угощению, на которое обещал прибыть влиятельный гость. Карим притащил с рынка барашка – к облегчению Трикса, уже разделанного. Васаб, вооружившись огромным ножом, принялся нарезать мясо кусочками. Его жена вытащила из дома и установила в летней кухне огромный казан.

– Плов будем готовить, – торжественно сказал Васаб. – Самое мужское дело – готовить плов!

Трикс и Иен с любопытством встали рядом.

– Морковку тоньше режь, Гулин, – командовал Васаб. – Ах, совсем не умеешь! Давай, сам все сделаю!

Он резал морковь и лук, плавил в казане твердое курдючное сало, обжаривал мясо, засыпал сверху рис... Трикс почувствовал, как в животе начинает урчать – так аппетитен был процесс.

– Настоящий плов – король стола, – вещал Васаб. – Разве ваша еда сравнится с пловом?

– Я кашу с мясом очень уважаю, – робко сказал Иен.

– Каша! – возмутился Васаб. – Испорченный плов – вот что такое ваша каша! В королевстве не умеют готовить вкусную еду. Умеем готовить мы, умеют готовить те, кто живет у моря...

– Васаб, а часто в Самаршане бывают гости с Островов? – спросил Трикс.

– С каких еще островов? – не понял Васаб, тщательно отмеряя щепотку перца.

– С Хрустальных.

Васаб вздрогнул и опрокинул в плов раза в три больше перца, чем собирался отмерить.

– Что ты говоришь такое под руку? – жалобно воскликнул он. – Не надо говорить про колдунов-витамантов. Они к нам не заезжают, хвала Высшему! Я тебя привел в свой дом, я с тобой плов готовлю, я бы за тебя, – Васаб вздохнул, – дочь отдал. Ты хоть и северянин, но человек. А витаминты – это не люди, это живые мертвецы. Это не дело! Человек должен достойно и радостно прожить жизнь, а потом достойно и радостно отойти в иной мир, не мешать детям и внукам самим жить.

– Мы с Каримом видели витаминта возле башни колдунов, – пояснил Трикс. – Это рыцарь-маг Гавар, мой давний враг. Он с другими моими врагами пошел к колдунам.

– Это плохо, – нахмурился Васаб. – Это совсем-совсем плохо. Это значит, что наш Великий Визирь Аблухай не только позвал драконов на помощь. Он еще и с витаминтами готов иметь дело. Это просто ужас какой-то!

– Лучше бы он Маркеля попросил о помощи, – сказал Трикс. – Маркель хороший король. Он бы обязательно помог. Он ведь понимает, что если Прозрачный Бог придет к власти, то мы будем воевать.

– Твои слова – эликсир мудрости и мумиё рассудительности, – кисло сказал Васаб. – Беда в том, что мы с вами частенько воевали.

– Ну и что?

– Если Аблухай позовет на помощь бывших врагов, ему не простит этого простой народ. Аблухая любят и власть его крепка. Но ваши ратники и маги на наших землях – это еще ужас-

нее, чем Прозрачный Бог. Витамантов мы не любим и... – Васаб хмыкнул, – ...побаиваемся. Но они слишком далеко, мы с ними не воевали и у нас нет претензий друг к другу.

– С чего бы вдруг витамантам помогать вашему визирю? – спросил Трикс.

Васаб пожал плечами и склонился над казаном.

– Я думаю, дело вот в чем... – сказал Трикс задумчиво. – Витаманты хотят завоевать наше королевство, это известно. Они бы, пожалуй, позволили нам с вами воевать, если бы силы были равны. А потом, когда мы бы друг друга поубивали, они бы радостно все захватили. Но они, наверное, боятся Прозрачного Бога. Думают, что тот может захватить наше королевство и стать таким сильным, что и им навалит.

– Хороший плов получится, – пробормотал Васаб. – Только черного перца много, ой много...

– Так что они могут и помочь вашему Великому Визирю. Но, наверное, за это чего-то потребуют. Ну, например, чтобы вы одновременно с витамантами напали на нас. И разделили королевство между собой. Вы бы забрали южные и восточные земли, которыми когда-то владели. Витаманты захватят северные и западные, откуда их когда-то прогнали.

– Может, если добавить острого перца, то избыток черного будет выглядеть не ошибкой, а хитрой задумкой? Может быть, это будет особый острый плов? – размышлял Васаб.

– Только если Аблухай так решил сделать, он ошибся, – сказал Трикс. – Витаманты помогут победить Прозрачного Бога, но так, чтобы вы сильно ослабели. Призвали и использовали в бою драконов. Чтобы погибли ваши колдуны... Тогда, победив нас, Самаршан совсем ослабнет. А витаманты поднимут погибших воинов и легко завоюют вас. И еще северных варваров, и гномов, и эльфов. Всех. Ваш Великий Визирь либо совсем не знает витамантов, либо уж очень напуган.

Васаб вздохнул и печально посмотрел на Трикса.

– Позволь мне сказать, молодой маг. Ты, наверное, прав. И если ты все это объяснишь Визирю, быть может, это пойдет на пользу. Но для этого тебе надо добиться аудиенции с ним. А если я накормлю Сад ар Тамака невкусным пловом, он расстроится. И тогда...

– Да не беспокойся ты! – махнул рукой Трикс. – Горячий огонь и жирная баранина впитали ровно столько острого перца, чтобы вкус мяса стал пикантным и пробуждающим аппетит. Весь лишний перец ушел с паром – и плов стал настолько вкусен, что украсил бы собой стол Великого Визиря!

– Волшебство творишь, да? – восхитился Васаб. Склонился над казаном, принимался. Попробовал снова. Прищелкнул языком. – Чудо! Это будет плов, достойный султана!

Иен облизнулся.

– Скажи, Васаб, а почему за султана правит Великий Визирь? – спросил Трикс. – Вроде как ваш султан из великой династии, он не ребенок, не слаб умом...

Васаб вздохнул:

– Этого я просто не знаю, Трикс. И никто не даст тебе ответ. Наш султан Абнуvas молод – ему всего двадцать лет. Но в этом возрасте многие творили великие дела! Когда он выходит к народу – то говорит умные вещи и обхождение его приятно. Запутанные судебные тяжбы, которые султану положено разбирать накануне своего дня рождения, он решает толково и смешно – а ведь развеселить народ своими решениями, это самое важное для султана, творящего суд! Но в обычной жизни от его имени правит Аблухай...

– С этим наверняка связана какая-то мрачная тайна! – сказал Трикс.

– Будь Аблухай жадным до власти царедворцем – я бы с тобой согласился, – вздохнул Васаб. – Но все видят, что Визиря тяготят его обязанности, он бы всецело занялся искусствами и науками, будь на то его воля... Так что тайна, которая, несомненно, существует, должна быть не мрачной, а грустной.

– Почему правит не умный молодой султан, а вовсе не желающий того визирь... – Трикс кивнул. – Да, это интересная тайна. Я подумаю над ней!

– Только ты учти, пожалуйста, что закопать вниз головой в песок могут за мрачную тайну, за грустную тайну и даже за веселую тайну! – напомнил Васаб. – С одинаковой легкостью. На то она и тайна!

– Ну почему у вас все непременно кончается закапыванием в песок! – расстроился Трикс.

– Потому что в пустыне мало деревьев, а проливать кровь почетно только в бою, – пояснил Васаб.

5

Как известно, все народы любят вкусно поесть и считают свою еду самой вкусной. И у каждого народа есть такие продукты, которые он предпочитает в пищу не употреблять – в отличие от соседей. Даже гордые северные варвары, которые в общем-то едят все, что шевелится или шевелилось относительно недавно, никогда не станут есть творог и мед, причем никто уже не помнит почему. На западе королевства с удовольствием употребляют в пищу лапки лягушек, но в рот не возьмут кислого молока – потому что считают его испорченным.

Национальная самаршанская кухня отличалась тремя запретами. Во-первых, самаршанцы не ели куриное мясо, потому что курица клюет червей, черви едят покойников, а значит, кто ест курицу – поедает собственных предков. (Надо сказать, что на всех остальных птиц запрет почему-то не распространялся, а некоторые вольнодумцы утверждали, что можно есть и куриц, если не выпускать их на землю, а держать в клетке и кормить зерном.) Во-вторых, самаршанцы не ели грибов – по той же самой причине. Ведь в грибах могут оказаться черви... Ну и в-третьих, самаршанцы не ели ничего фиолетового, потому что считали, что еда не может быть фиолетового цвета.

Все остальное, по мнению самаршанцев, вполне годилось в пищу. Популярностью пользовалась жареная саранча и маринованное собачье мясо. Почему-то дозволялась редкая в здешней местности рыба, хотя рыба ничего не имеет против червяков. Мясо предпочиталось баранье, но в принципе поедалось любое. Ну а в умении употреблять в пищу растения самаршанцы достигли великого искусства – редкое растение поедалось частично, обычно использовались и корни, и стебли, и плоды. В конце концов, если что-то нельзя было съесть, то из этого делали приправу.

Ради знатных гостей (ну и, конечно, ради великого волшебника Трикса) Васаб с женой и дочерьми расстарались на славу. Были поданы: тертые овощи с пряностями, которые полагалось мазать на куски лепешки; крошечные котлеты из сырой ягнятины со специями – Трикс чуть не подавился, когда узнал, что это сырое мясо, но котлеты оказались такими вкусными, что он все-таки съел пять штук; маленькие трех- и четырехугольные пирожки с мясом, сыром и овощами; кусочки мяса, завернутые в виноградные листья и тушенные на пару; сладкая кукуруза, запеченная над огнем; ну и, конечно же, плов.

Вся еда имела свои названия, но они быстро смешались у Трикса в голове. Так что он не задавался вопросами, а с удовольствием ел, запивая все легким ячменным пивом. Пиво по местным обычаям вначале полагалось плеснуть на землю – все чтили древний обычай, гласивший, что первая капля спиртного убивает человека. Поэтому первую каплю ни в коем случае нельзя было пить.

Пришедшие с Сад ар Тамаком гости тоже с удовольствием налегали на еду. Было их двое – тощий пожилой самаршанец по имени Сутар Бухул и светловолосый человек средних лет, оказавшийся соотечественником Трикса – Адрон. На Трикса они смотрели с живейшим любопытством, но до тех пор, пока голод не был утолен, ни о каких делах не говорили.

Первым не выдержал Адрон. Утерев рот тыльной стороной ладони, он громко рыгнул. Трикс от такой бесцеремонности смутился, но Васаб выглядел довольным, а сам Адрон подмигнул мальчику.

– Тебе еще предстоит многое узнать о самаршанских обычаях! – пояснил он. – Рыгнуть после еды – показать хозяину, как вкусен приготовленный им обед!

Сидящая на плече Трикса Аннет поморщилась и негромко сказала:

– А мы, дураки, обходимся словами...

– Да, нам недостает настоящей восточной вежливости, – кивнул Адрон. – Позволь, я чуть расскажу о себе. Я вот уже пятнадцать лет как живу в Дахриане. Приехал сюда после неурожае

во владениях барона Исмунда... вначале бедствовал, но потом преуспел. Видишь ли, я хоть и не из благородной семьи, но с детства отличался пытливым умом, чувством прекрасного и хорошо подвешенным языком. Был учеником менестреля, потом менестрелем... к сожалению, самаршанские мотивы мне плохо даются. Но зато образованные люди в Самаршане хотят знать язык королевства. Я начал их обучать. И сейчас занимаю пост главного эксперта по культуре королевства при Академии Искусств и Ремесел. Многие знатные самаршанцы и их дети обучались у меня. Сейчас у меня свой дом, две жены-самаршанки. Но я, конечно, обожаю далекую родину и всегда рад увидеть соотечественника!

– Очень приятно, – кивнул Трикс. Иен тоже что-то пробурчал.

– Какая беда выгнала тебя из дома, юноша? – с любопытством продолжал Адрон. – Быть может, ты из северных баронств? Там ударили лютые морозы, дома засыпаны снегом, вся скотина полегла... Или ты с запада? Там свирепствует свиная чума, люди боятся выйти на улицу. Или ты с востока, где шайки разбойников рыщут по деревням и городам, подобно диким зверям? Или из самой Столицы, где общины варваров, гномов и эльфов творят свои страшные дела, вызывая ужас честных граждан?

– Я из княжества Дилон, – растерянно ответил Трикс. – Это на северо-востоке... У нас вроде как все нормально...

– У вас? В Дилоне? – Адрон горько рассмеялся и покачал головой. – Ну что ты... Клещ-долгоносик грызет зерно в амбарах, недавно сгорел приют для умалишенных, рухнул мост, затонуло три рыбачьих лодки...

– Я живу возле города Босгард, – пояснил Трикс. – Там ничего...

– Босгард! – Адрон закивал. – Помню, помню. Помощник бургомистра свалился с обрыва и сломал ноги. В бане угорел купец и две девицы-белошвейки. Бешеный пес едва не искусал мельника.

– Откуда вы все это знаете? – растерялся Трикс.

– Как же я могу жить без новостей с родины? – удивился Адрон. – Я заказал у самаршанского колдуна хрустальный шар, который показывает мне все самое важное.

– А я и не знал, что у нас в королевстве столько всяких несчастий, – огорчился Трикс.

– Маркель скрывает от народа правду, – кивнул Адрон. – Сам понимаешь, со стороны-то все лучше видно! Так что у тебя стряслось?

– Да в общем-то ничего, – сказал Трикс, краснея. На фоне рассказанных ужасов говорить про новогодние празднования в Босгарде, про тихие занятия магией и прочую скучную обыденную жизнь было стыдно. – Просто... решил посетить Самаршан.

– Так ты не хочешь тут у нас остаться? – поразился Адрон.

– Нет, извините, – признался Трикс. – Не хочу. У вас, конечно, красиво, здорово, плов вкусный. Но у нас тоже ничего.

Адрон вздохнул и покачал головой:

– Ты страшно далек от реальной жизни своего народа... Я понимаю, маги парят в эмпиреях, их не заботят страдания землепашцев и произвол баронов. Тем более ты так юн.

– Я не скажу про магов, – решительно вступил в разговор Иен. – Но вот нам, рыцарям... ну, и оруженосцам, конечно. Нам вовсе страдания и произвол не нравятся! Мы с моим рыцарем недавно разбойников победили!

– И, конечно же, взяли за это с крестьян изрядную плату, – усмехнулся Адрон.

– Ну... ведь под Гламором коня убили, а еще доспехи помяли... – смутился Иен и замолчал. Адрон скептически хмыкнул и вновь обратился к Триксу:

– Все-таки советую подумать о переезде в Дахриан. У нас тут есть небольшая община, мы собираемся два раза в месяц, поем песни, едим курицу, – это он сказал с некоторым вызовом, гордо подняв голову, – обсуждаем события в королевстве. У нас очень весело!

– Я обязательно подумаю, – сказал Трикс.

– И заходи ко мне в гости, – продолжал Адрон. – Я тебя познакомлю с сыном. Ему полезно поговорить на нашем языке, а то он его совсем уж забросил. А я патриот нашего милого королевства, я хочу, чтобы сын впитал в себя наш язык и культуру!

К радости Трикса, в разговор немедленно вступил Васаб:

– А сколько лет твоему сыну, о любезный?

– Двенадцать.

– Тогда, вероятно, он еще не женат? – сладким голосом спросил Васаб. – Не познакомить ли его с моей младшей дочерью, она чуть старше, но это не беда...

– Интересная мысль, – кивнул Адрон. – А я бы не против был познакомить старшую дочь с одним из твоих сыновей.

Мужчины сели ближе друг к другу и стали что-то тихонько обговаривать. Дочери Васаба захихикали и были немедленно отправлены прочь из-за стола.

Молчавший до тех пор Сутар облизнул жирные от плова пальцы, вытер их о бороду, тихонько, принужденно рыгнул и сказал:

– Как я счастлив, что уже выдал замуж дочерей и женил сыновей... Скажи, молодой волшебник, что ты ищешь в нашей стране?

Трикс подумал и решил ответить честно:

– Я бы очень не хотел, чтобы мы воевали. Меня попросил один знакомый... дракон. Чтобы я как-нибудь остановил Прозрачного Бога.

Самаршанец не стал ни смеяться, ни выказывать удивления, а кивнул и сказал:

– Это достойно уважения. Я тоже не хочу, чтобы у нас правил Прозрачный Бог, а еще больше – чтобы началась война... Ты попросил моего уважаемого друга Сад ар Тамака све-сти тебя с влиятельными людьми. Поверь, он достойно выполнил твою просьбу как минимум наполовину. Чего же ты хочешь от меня?

– Я хотел бы встретиться с Великим Визирем. А еще – с султаном.

Сутар кивнул.

– Это разумная, хоть и сложная просьба. Что именно ты хочешь сказать Великому Визирю?

– Что очень опасно дружить с витамантами – даже ради победы над врагом, – волнуясь, объяснил Трикс. – Витаманты говорят, что хотят вечной жизни для всех. Но для этого они вначале всех убьют. Пусть лучше Самаршан попросит союза с королевством...

– Достойный Аблухай не очень-то доверяет Маркелю, – спокойно ответил Сутар. – И скажи честно, мальчик... если войска королевства войдут на наши земли... если мы будем ослаблены войной с Прозрачным Богом... выйдут ли ваши войска обратно?

Трикс пожал плечами и огорченно сказал:

– Я не знаю. Маркель – хороший человек. Но он король, а король не бывает плохим или хорошим, он бывает только королем.

– Ты неглуп. – Сутар кивнул. – Живи ты среди нас, я бы взял тебя в ученики.

– А чем вы занимаетесь? – спросил Трикс.

– Я – придворный шут султана Абнуваса и его визиря Аблухая.

– Шут? – удивился Трикс.

– Да. Ты удивлен, что шут может быть влиятельным человеком при дворе?

– Ну что вы! – Трикс замотал головой. – Я читал, что шут Джико при короле Маркеле Нерешительном пользовался таким влиянием, что король спрашивал у него совета, даже выбирая невесту... И вообще, шут – профессия уважаемая, почетная... Только вы такой... печальный.

– Я же не на работе, – пояснил Сутар. – Тут за день так, знаешь ли, нахихикаешься, что вечером хочется поплакать. Не один шут сгорел на работе, пытаясь смешить людей во время отдыха. Если я прихожу домой, а жена готовит, то я гоню ее с кухни и сам режу лук. А если

ужин уже готов, то зову детей и прошу их рассказать все самое ужасное и печальное, что они видели за день. Однажды Аблухай был в большом расстройстве, он проиграл в поэтическом конкурсе, куда послал свои врубайи и казели под чужим именем. Мне пришлось веселить его весь день, с утра до позднего вечера. И тогда мне пришлось пойти к нищим и попросить их рассказать, как они дошли до жизни такой. Я их до полуночи слушал, прежде чем отпустило...

Этот рассказ неожиданно тронул Аннет. Она спорхнула с плеча Трикса и села на руку шута, которую тот ей вежливо подставил.

– Если тебе захочется погрузить, можешь позвать меня. Я расскажу тебе о трудной и горькой жизни маленьких цветочных фей. О том, как безответна может быть их любовь... – Голос Аннет дрогнул. – О том, как коварны бывают некоторые продукты их питания... Об ужасах холодной зимы, когда бедные феи, чьи цветы погибли от мороза, забиваются в мышинные норки... или просятся в человеческие дома, где всю зиму отрабатывают право жить на герани и фиалках, развлекая детей и даже истребляя тараканов...

– Печальная история. – Сутар просветлел лицом. – Я обязательно попрошу тебя о помощи, когда рабочий день будет уж слишком тяжелым.

– Так вы можете мне встретиться с Великим Визирем? – гнул свое Трикс.

– Да, – кивнул шут.

– А с султаном?

Самаршанец покачал головой.

– Боюсь, что это невозможно.

– Почему? – спросил Трикс.

– Мудрейший Абнувас очень занят государственными делами.

– Но разве то дело, о котором я хочу поговорить... – начал Трикс.

– Я попробую устроить твою аудиенцию с визирем уже завтрашним вечером, – сказал Сутар.

– А когда...

– Это то, чем я могу тебе помочь, – чуть повысил голос Сутар. – И пойми, что никто не поможет тебе большим.

Васаб испуганно посмотрел на Трикса и тот смирился.

– Благодарю тебя, Сутар Бухул.

– Приятно было с тобой поговорить о делах, – кивнул шут. – От долгого разговора даже пересохло мое горло...

Васаб кивнул жене, та неодобрительно поджала губы, но все-таки ушла и вернулась с большим глиняным кувшином, откуда разлила по маленьким пиалам бледно-белую жидкость. Ни Триксу, ни Иену ее не досталось.

– Прости, но у нас не принято наливать арка юношам, – смущенно пояснил Васаб. – Но если ты все-таки хочешь попробовать...

Трикс не захотел. Он слышал, что в Самаршане делают из забродившего молока напиток, который крепче любого вина, но все, кому доводилось его пробовать, отзывались об арка не слишком восторженно. Впрочем, это, наверное, было делом вкуса и привычки – Адрон пил арка радостно и помногу, быстро хмелел и почему-то грустнел. Трикс маялся. Ему хотелось уже пойти спать, но это выглядело бы невежливым.

Наконец распрощался и ушел Сутар – за дверями шута ждали двое слуг. Стал неохотно собираться и Адрон. Почему-то он счел своим долгом еще раз поговорить с Триксом, пообещать ему всяческую поддержку и рассказать про то, что он хочет вернуться в королевство, вот только сомневается, возможно ли питаться едой, которую там выращивают, не убьют ли шутки ради стражники и остались ли под владычеством Маркеля хоть какие-то академии, где он сможет работать. Трикс как мог попытался развеять его опасения, но Адрон, продолжая

рассказывать о своих планах вернуться на родину, одновременно качал головой, вздыхал и потирал затылок.

– Странный он какой-то, – сказал Иен, когда они отправились спать. Для Иена в комнатку Трикса притащили набитый соломой матрас и еще одно одеяло. – Если ему тут нравится, то зачем он говорит, что хочет вернуться? А если не нравится, то почему не возвращается?

– Он слишком долго здесь прожил, – сказала Аннет, присев на подсвечник. В глазах ее поблескивали языки пламени. – Когда-то испугался тягот и трудностей, решил пересидеть их в Самаршане. Потом долго и горько пытался устроиться здесь. А если он сейчас вернется, то будет считать, что зря потратил пятнадцать лет своей жизни.

– Но ведь он и впрямь их зря потратил? – спросил Трикс. – Или нет?

Фея тихонько засмеялась.

– Все-таки ты совсем еще глупый мальчишка... Знаешь, иногда мужчина и женщина, прожив вместе много лет, решают расстаться. Они расстаются, находят новую любовь и живут счастливо. Но при этом постоянно повторяют: «Я зря потратил драгоценные годы своей жизни...» Это смешно. Ведь это были хорошие годы. Это была жизнь. И вовсе не факт, что с другим человеком они прожили бы эту жизнь лучше. Можно расстаться, можно сойтись... Можно уехать, можно вернуться... Но только тот и в самом деле теряет кусок своей жизни, кто говорит – «годы были прожиты зря». Жизнь не зря, мальчики. Какая бы она ни была – человек живет не зря... – Аннет вздохнула. – И фея – тоже.

– Нет, я так жить не собираюсь, – твердо сказал Трикс. – Я женюсь на Тиане. И разводиться с ней не буду. И заниматься тем, чем не хочу, не стану. И жить там, где не нравится – тоже. Я так буду жить, чтобы сразу все хорошо получилось.

– Я тоже! – пылко сказал Иен. – Я, может, не сразу понял, кем хочу стать. Я бы магом хотел стать, только способностей нет. Но теперь понял – рыцарство моя стезя! Тем более я уже совсем благородный!

Фея улыбнулась и пожала плечами.

– Возможно. Иногда такое и впрямь получается. Это очень здорово, если у вас все сразу в жизни получится, ребята... Погасить свет?

– Угу, – сказал Трикс. – А ты где ляжешь?

– Луна, – просто ответила фея. – Я потанцую немного в лунном свете. Poiщу местных фей... странно как-то, все цветет, а фей не видно... Спокойной ночи.

Она взмахнула крылышками, погасив свечу, и светлым силуэтом выпорхнула в окно.

– Надо мне что-то с ней делать, – озабоченно пробормотал Трикс. – Вся эта местная самаршанская растительность... для нее это слишком сильно.

– Трикс... – позвал с пола Иен.

– Ну?

– Ты не переживай за перстень. Я его обязательно тебе верну. Я даже придумал как.

– Да ладно тебе... – сонно сказал Трикс. – Совершу подвиг – мне Маркель еще подарит...

– Нет, я верну, – упрямо повторил Иен. – Всенепременно. Я же теперь благородный человек, почти рыцарь. А рыцарь не оставляет зло безнаказанным. Верно?

Но Трикс уже спал.

Драконов в Дахриан прилетело и впрямь немало. Наверное, это были все самаршанские драконы, а их здесь водилось куда больше, чем во всем остальном мире.

Трикс и Иен, разинув рты, стояли на городской стене и смотрели вниз. Там, на месте бывшего пастбища, неторопливо прогуливались, спрятав голову под крыло, дремали, о чемто оживленно беседовали и скучаяще поглядывали на людей драконы. Были они всех цветов радуги и даже больше – красные и оранжевые, желтые и зеленые, голубые и синие, фиолетовые и белые. Особняком держались несколько черных, самых крупных и горделивых. У самых

мелких драконов расцветка вообще могла сложной – к примеру, хвост синий, туловище красное, а голова белая.

Народа на стене толпилось немало. Всем жителям хотелось посмотреть на драконов и желательно из безопасного места. Разумеется, было бы не в натуре самаршанцев оставить просмотр на самотек. У ворот, ведущих на стену, выставили стражников, которые взимали с каждого зеваки по медной монете. Зато смотреть можно было сколько угодно, хоть с утра до вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.